

16+

ЕВА НОЧЬ

ТЫ МОЁ ДЫХАНИЕ

Ева Ночь

Ты моё дыхание

Серия «Семейка Драконовых», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67820003

SelfPub; 2022

Аннотация

Я студентка с ребёнком на руках. Ради нашего благополучия я готова на всё. Даже поработать уборщицей в сомнительном ночном клубе. Там я встретила ЕГО, мужчину, с которым мы без конца сталкиваемся лбами. Так сталкиваемся, что искры во все стороны летят! Он утверждает, что не имеет привычки помогать девам, попавшим в беду. Но когда мне тяжело, он раз за разом вытаскивает меня из очередной передраги. Опасный, циничный, бесячий. Он не принц и не парень моей мечты, но, как оказалось, без него мне никак. Потому что, когда нечем дышать, он становится моим дыханием...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	51
Глава 10	57
Глава 11	64
Глава 12	70
Глава 13	76
Глава 14	84
Глава 15	92
Глава 16	101
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Ева Ночь

Ты моё дыхание

Глава 1

Софья

Михайловна свалилась некстати. Очень бодрая и креативная дама. Язык не поворачивается её назвать старушкой, хоть по возрасту она – бабушка со стажем. Но она такая – как попугайчик: яркая. У неё волосы в чёрно-красный цвет выкрашены, брови, глаза, губы – татуированы. Звезда, одним словом.

А местами Алина Михайловна – сорока. Ей нравятся побрякушки – всякие цепочки, кулончики, браслетики, брошки, кольца. Она их может нацепить щедро, от души, отчего сразу смахивает на престарелую металлистку. У кого-то это могло бы выглядеть безвкусно. У Михайловны – нестандартно, взгляд притягивает.

– Ох, помира-а-аю! – выдаёт она с чувством. – Радикулит проклятый! Чтоб ему пусто было!

«Помирала» Михайловна со вкусом. И страдала не меньше.

Вызванная ею же неулыбчивая, но очень деловая медсестра поставила блокаду и припечатала:

– Покой, Михайловна, никаких наклонов! Хватит уже бегать и подрабатывать!

– Да как же, – обеспокоилась моя квартиросдательница, – как же это... я ведь не могу, людей подведу, нельзя так...

– В следующий раз не разогнётесь, – зловеще предрекла «добрая» медсестра, – а то и ещё что хуже приключится. Стационар по вам давно плачет. Я вот внуку вашему позвоню, он вам быстро мозги вправит и расскажет, кто вы, а кто он, и как вы его позорите постоянно!

– Ты мне Богданчика тревожить не моги! – стукнула кулачком Михайловна так, что и браслеты её брякнули, и от боли она охнула. – Он у меня занятой, незачем тревожить мальчика, пусть своей жизнью живёт.

– Мальчику-то, поди, уже тридцать годков стукнуло? – съязвила эта служительница Асклепия. – Поди, ему и не помешало б о бабушке побеспокоиться. Больше ж не о ком: ни семьи, ни детей. Мог бы повнимательнее быть, глядишь, и вы б на старости лет по притонам не шастали.

– Ох, и стерва ж ты, Марья! – разгневалась Михайловна. – Язык бы тебе укоротить!

Перепалка у них нешуточная вышла. Я уже и не прислушивалась к их взаимоукусам. Не до того было. Ужин приготовить, за Вовкой в детский сад мчаться нужно. Успеть бы всё сделать.

– Софьюшка, – позвала меня Михайловна умирающим голосом, как только за её спасительницей дверь захлопнулась

с великим чувством, – только ты можешь мне помочь.

Лежала она, постанывая, брови татуированные страдальчески складывала трогательным «домиком».

Вообще она хорошая, Алина Михайловна, сердечная. И театр разыгрывала впервые. Правда, я не настолько хорошо её знаю, чтобы судить однозначно, но то, что она была ко мне добра, сомнений не вызывало.

– Надо вместо меня выйти, – цапнула она меня за руку, – выручи, а? Я уже договорилась, скажешь, что от Островской. Ты ж хорошая девочка, работы не боишься, и деньги тебе нужны. А это очень хорошая работа, тебе понравится. Тем более, ночная. А за Вовика не переживай: присмотрю. Он у тебя мальчик хороший, послушный, непроблемный.

Вот как, как я могла ей отказать? Да никак. Я вообще... безотказная. Духу не хватает. Может, поэтому на мне все ездят.

Это камень не в Михайловны огород, нет, а вообще.

– Ладно, – вздохнула, понимая, что пойду, куда скажет.

– Вот и хорошо, вот и замечательно, – разулыбалась моя старушка, – ты девочка шустрая, работы не боишься. А там и делать ничего не нужно – уборка. Фантики собрать, со столов мусор сгрести, полики помыть, унитазики протереть. Разочек. И спокойно там, без скандалов в основном. А платят хорошо, хорошо-о-о!

Да, деньги – это очень весомый аргумент. Денег вечно не хватает. Я Михайловне вечно опаздываю за квартплату от-

давать, но она добрая, ждёт. Терпит меня и Вовку. А так хоть на улицу. Поэтому я ей уж точно отказать не могу никак.

– Значит, так, – успокоилась Михайловна, как только поняла, что с подводной лодки удирать мне некуда, – записывай адрес, доедешь на такси – я вызову. Там представишься, тебя встретят. Назад тоже на такси возвращайся, дело под утро будет, транспорт не бегаёт в такую-то рань. Да и не нужно, с такси-то оно спокойнее. И это. Ты не переживай. Марью эту дуру не слушай. Не притон, а очень приличный клуб, я б куда попало и не пошла бы. Что я, сумасшедшая, что ли. Я очень даже при уме.

Я и не переживала, и медсестру не особо слушала – как-то мне не до их спора было. Ужин, посуду помыть, за Вовкой бежать. А такси, по крайней мере, вечером – расточительство. Хорошо там платят или очень хорошо – не важно. Мне очень нужны деньги, к тому же, подпирал срок и оплаты за квартиру, и сессия на носу. Мне очень нужно, жизненно необходимо дотянуть этот учебный год до конца. А потом я обязательно что-нибудь придумаю. Переведусь на заочный, наверное.

«Эх, папа, папа... – с горечью вспомнила я отца, – будь ты жив, всё сложилось бы по-другому. Только в память о тебе я не сдаюсь и не опускаю руки. Ведь ты очень хотел, чтобы я получила высшее образование и стала в этой жизни кем-то».

Это была минута слабости. В последнее время зачастили что-то такие минуты. Может, потому, что радоваться особо

было нечему, но я старалась держаться изо всех сил.

Михайловна о чём-то распинаясь. Кажется, расписывала прелести отличной работы. Я машинально кивала, соглашаясь. Какая разница? Как она правильно заметила, работы я не боялась, а уж тем, что полы мыть или унитазы, меня не напугаешь.

– Я пойду? – спросила, когда красноречие у моей квартиросдавательницы иссякло. – Вовку надо из садика забрать.

– Беги, беги, – махнула аристократической рукой Михайловна. Браслеты на её запястье тихо звякнули, давая благоговение.

И я побежала. На остановку троллейбуса. На улице – конец ноября. Тучи свинцовые, колкий снег срывается. Ветер слёзы вышибает. Куртка у меня не совсем зимняя, зато свитер тёплый, под горло. И шарф длинный. А капюшон, торопливо натянутый на шапку, вполне спасает от холода.

Под ногами – наледь, старые ботинки скользят, но я ловкая, как Михайловна заметила. Балансировать получается легко. Не зря же я когда-то акробатической гимнастикой занималась – вот, пригождаются навыки. Во всём нужно искать положительные моменты. А всё остальное... Как-нибудь переживём!

Глава 2

Софья

– А ещё я нарисовал корабль! – захлёбываясь, рассказывает детсадовские новости Вовка. Глаза у него блестят, щёки покраснелись.

Он похож на медвежонка: нос пуговкой, глаза карие, щёки пухлые, волосы – мягкими колечками. Я люблю, когда Вовка вкладывает маленькую ладошку в мою руку. Это всегда доверчивый, очень важный для меня жест, от которого я ощущаю трепет и укол в сердце, что сжимается от любви. Вовку невозможно не любить – я в этом глубоко убеждена. Жаль, что это понимают не все.

– Ты зачем Лизе Коваленко пластилин в волосы влепил? – пытаюсь быть строгой. Вовка моментально становится тихим, хмурит брови и сопит, как ёжик.

– Светлана Петровна – ябеда-корябеда, – выдаёт с обидой мой медвежонок и забавно дует губы.

Я поправляю ему шапочку и заглядываю в глаза.

– Лизе пришлось волосы выстричь, боюсь, Лизиной маме это не понравится. И ты же знаешь: мне бы всё равно рассказали.

Вовка знает, поэтому вздыхает тяжело и отводит виноватые глаза.

– Она первая, правда! – возмущается бурно. – Из-за неё

нас мужем и женой дразнят!

Да, дразнят. Лиза Коваленко и Вова Ковалевский – повод сочинять разные басни, а у детей, как известно, фантазия бурная. В своё время и я выхватила порцию насмешек, особенно если учесть, что с математикой у меня всегда было туго¹.

– Как бы тебя ни дразнили, девочек обижать нельзя, – воспитываю Вовку. – Мог бы наоборот – защитить или обидчика обозвать, на худой конец. А ты выбрал того, кто послабее.

Особенно, если учесть, что Лизе Вовка нравится, – добавляю я мысленно. Ох, уж эти пятилетки... Время взросления и первых нешуточных страстей.

Воспитывать у меня получается. Это то, чем я по-настоящему хочу и буду заниматься, если получится. Когда-нибудь у меня будет своя группа, а малыши уважительно станут называть меня «Софья Андреевна».

Собственно, я уже немножко подрабатываю, но пока что ночной няней в круглосуточной группе, потому что днём я учусь. Пока ещё пытаюсь вырулить.

– Сегодня останешься с Алиной Михайловной, – говорю я Вовке за ужином, а я – на работу. Надеюсь, ты помнишь, как себя вести?

Тот активно кивает, наворачивая суп и вожаделенно погля-

¹ Софья Ковалевская – российский математик и механик. Первая в Российской империи и Северной Европе женщина-профессор и первая в мире женщина – профессор математики.

дывая на плюре с котлетой. Отсутствием аппетита ребёнок не страдает, а то, что меня дома не будет, его не расстраивает. Это значит, что занятия на сегодня откладываются, а Михайловна разрешит ему мультики смотреть до отвала.

– А ну покажись, – приказывает Михайловна, когда я готова к отъезду, и я покорно застываю перед ней. Ничего такого. Джинсы и всё тот же толстый свитер под горло. Волосы я заплела в косу.

– Эх, яркости тебе не хватает! – заявляет моя бойкая старушка. – Но ничего, там тебе выдадут униформу, немного оттенит твой образ. А со временем научишься правильно себя подавать, хоть и не мешает всё же поработать над стилем.

Она крепко задумывается, видимо, сочиняя тот самый мифический «стиль», которого во мне отродясь не было. Да и не до глупостей мне. Какая разница, в каком образе мыть полы да унитазы?

– Я пойду? – спрашиваю тихо, выдёргивая Михайловну из глубоких размышлений.

– Иди, иди, – царственно машет она рукой. – И учти: такси я вызвала. А то знаю тебя!

Я украдкой вдыхаю, понимая, что Михайловну не проведёшь. Ну, буду надеяться, что всё же сумею заработать и не разориться на транспорт.

– Поездку я оплатила! Карточкой! – несётся мне вслед.

И мне бы задуматься: с чего такая небывалая щедрость? Но на тот момент подозрительность моя ещё не включается

в полной мере. Я слишком доверчива, хоть жизнь уже не раз прикладывала меня лицом в асфальт.

Нет, скрягой Михайловна никогда не была, но деньгам счёт любила.

Всё говорило о том, что она не нуждалась в подработке. Квартира большая и уютная, с хорошим ремонтом. Вещи у неё не из секонд-хенда. Да и внешний вид, макияж, бирюльки-висюльки – неплохое капиталовложение в себя.

Я у Михайловны живу почти три месяца и считаю, что мне невероятно с ней повезло. До этого никак не могла найти съёмное жильё, которое было бы мне и по карману, и удобное, чтобы в университет, на работу добираться. И вот, с некоторых пор – и в детский садик.

А то, что она приняла меня «с прицепом» – везение вдвойне. И то, что Михайловна оказалась вполне адекватной и милой женщиной – тоже бонус плюс. В общем, уборщица в клубе – не самое страшное, что со мной случилось в жизни.

Когда я вышла на улицу, такси меня уже ждало. Водитель – улыбочивый и разговорчивый. Трещал всю дорогу и улыбался, а я только кивала да мычала: не очень-то я люблю дорожные откровения. Да и вообще не питаю слабости общения со случайными людьми.

– Эх, такая девушка да без охраны! – заливается пухлощёкий водила. – Что ж вам, молодёжи, в жизни не хватает? Вот сидишь ты – красивая, вся из себя, а тянет вас по злочным местам. Вот скажи, почему?

Он кидает на меня проникновенные взгляды, пытаюсь что-то высмотреть или понять. Лучше бы на дорогу смотрел. Но машину он ведёт хорошо, поэтому я не возмущаюсь, а только пожимаю плечами.

– А я тебе скажу: с жиру вы беситесь, вот что! Шляетесь по этим клубам, ищете приключений на мягкое место. Всё вам не так! Нет бы по-нормальному, как положено. То ли дело раньше... Вот в наше время...

Мужика понесло в воспоминания. Он сетовал на времена и нравы, костерил сына и дочь, а я никак не могла понять, чем ему не угодила.

– Ну всё, приехали. Вот твой клуб! – сплюнул он презрительно, заводя машину на стоянку.

Я даже не поняла, что он имел в виду. Посмотрела только на него с недоумением.

– Спасибо большое, – вежливо поблагодарила и с облегчением открыла дверцу. Наконец-то избавилась от его шумной компании. Станный какой-то мужик.

Вечер встретил меня злым ветром, что перехватывал дыхание и сбивал с ног. Колючий снежок сёк щёки. Моментально заоченели руки. Ни варежек, ни перчаток у меня не было.

Клуб неоново сиял, подмаргивал и манил к себе. Прежде всего – теплом. Уж очень погода нынче нелётная.

«Лагуна» – причудливо изгибались буквы, озаряя окрестность каким-то невероятно мертвецким сине-голубым све-

том, что вышибал невольно слёзы. А может, это ветер старался.

Я почти добежала до входа, когда меня осенило. «Вертеп», «притон разврата», – язвила медсестра. «Вот твой клуб», – презрительно сплёвывал водила.

Чёрт побери, куда я попала?!..

Глава 3

Софья

Отступить было поздно. Призрак Михайловны маячил позади, а впереди...

– Ты кто такая? – спросил перекачанный парень, загоравшаяся необъятной спиной вход.

– Я от Островской, – пропищала я почему-то противным голосом, понимая, что выгляжу жалко и – стопроцентно – испуганно.

– А-а-а, новенькая уборщица, – смерил меня хищным взглядом этот любитель бодибилдинга. – В следующий раз заходи со служебного хода, – кивнул он куда-то в сторону.

Я вдруг подумала, что не хочу никакого другого раза. Может, Михайловна воспрянет, и мне больше не нужно будет её подменять?

Почему-то меня мучала мысль, что и медсестра, и водитель были правы. Работать в таком месте... стыдно. Я ведь будущая воспитательница. Мало ли кого сюда занесёт, меня увидят и... какой позор! Как-то я об этом не подумала.

Я, наверное, вообще плохо думала: мыслительный процесс – штука сложная и не всем головам доступная. Это я уже потом сообразила, что вряд ли я встречу в этом месте тех, кто приведёт ко мне детишек, но в тот момент меня буквально паникой накрыло не по-детски.

Но бежать, сверкая пятками, не вариант, поэтому я с горящим лицом прошагала мимо охранника или вышибалы, услышала его одобрителный свист за спиной и вспыхнула ещё больше.

– Соня? – встретила меня девушка-куколка и тоже осмотрела с ног до головы цепким взглядом. Внутри похолодело. Они меня будут тут разглядывать как экспонат?

– Да, – кивнула несчастно, пытаюсь понять, за что мне это всё.

– Пошли, я покажу, где раздеться, выдам форму. Давай, быстренько, что ты как неживая? Здесь нужно шустренькой быть. Михайловна клялась, что ты такая.

Укоротить бы Михайловне язык! А лучше пусть бы научилась говорить правду. Может, я б была готова к тому, что на меня обрушилось.

Уже переодеваясь и натягивая футболку с логотипом клуба, я вдруг успокоилась. Видимо, эффект неожиданности немного потерял свой блеск.

Справедливости ради, Михайловна и не лгала, а просто утаивала часть правды. Да и вряд ли бы я смогла ей отказать, а лишними бы сомнениями мучилась.

– Да не дрейфь ты! – фыркнула куколка Альбина, правильно истолковав моё состояние. – Ну, подумаешь, ночной клуб! У нас очень приличное заведение, хорошие посетители, левые сюда заходят мало, персонал отличный. Между прочим, мы с улицы кого попало и не берём, чтобы ты

знала! Михайловну ещё и благодарить будешь за отличное местечко! Если приживёшься, конечно. Но я б на твоём месте старалась.

– Я буду стараться.

Вдохнула, выдохнула, подколола косу узлом, чтобы не болталась.

– Вот и хорошо, – снова окинула Альбина меня долгим взглядом. – А ты ничего так, ноги длинненькие, попка ладная!

Меня снова как кипятком облили. Она на что-то намекает? Альбина понимающе хихикнула.

– Ладно, смущаешься, как девственница. Михайловна говорила, пацан у тебя растёт. Вот о нём и думай.

– Я думаю, – снова вздохнула.

– А руки тут не распускают, у нас строго. Если что, жалуйся. Пошли, я тебя в курс дела введу и побегу. У меня другие обязанности, я официанткой работаю.

Альбина – тайфун. Молниеносная. Она и объясняет, и заодно с персоналом знакомит, не забывая едкую характеристику припаять или коротенькую сплетню подкинуть. А я немного дезориентированная, всё ещё слегка в своих мыслях – не очень в её болтовню вслушиваюсь.

Мне бы собраться, дебют всё же, а я пытаюсь гармонию найти в душе – наивная идеалистка, мечтающая, чтобы мир был прекрасен, даже когда камни с неба падают.

Может, поэтому я была невнимательной, погружённой в

себя и собственные переживания.

Может, поэтому, когда наткнулась на преграду, не сразу поняла, что это не угол и не стена. Даже глаз не подняла, попыталась обойти. Но стена почему-то двинулась за мной вслед и перегородила путь, а затем и вовсе подхватила за талию, когда я от неожиданности собралась то ли растянуться на красивом кафеле, то ли показать, насколько хороша у меня растяжка. Неизвестно, насколько б хорошо у меня получилось бы.

– Привет, – мурлыкнули мне на ухо. От неожиданности я дёрнулась. И если бы не его крепкая хватка, снова рисковала оказаться в дурацком положении, когда пол близко, а всё остальное – унизительно высоко.

Пальцы его разжались и легко пробежались по моим бокам снизу вверх, почти до подмышечных впадин. Он что, щекотать меня вздумал?!

– Что вы себе позволяете?! – взвизгнула я поросёнком – хорошим таким, розовеньким, судя по тому, как снова полыхнули мои щёки. – Котяра! – обвинила я мужчину и наконец-то подняла глаза.

Подняла и утонула. До меня наконец-то дошёл весь сакральный смысл избитых штампов: перестать дышать, утонуть в чужих глазах, внезапное головокружение.

– Котя, тебя разоблачили! – хихикнула Альбина. – Вы знакомы, что ли? Хотя нет, тогда бы она точно не назвала тебя на «вы». Сонь, у нас тут по-простому, мы друг другу «тыка-

ем».

Мужчина рассматривал меня внимательно. Глаза у него карие, бархатные и такие... манящие, что ли. А сам он как шкаф. Ещё один качок. Рост у него так себе, под метр восемьдесят. На каблуки встану – вровень, наверное, будем.

Почему я об этом подумала – сама не знаю. Лезет же всякая ерунда в голову. Будто нужен он мне рядом, когда я на каблуки встану. Я их сто лет уже не надевала – некуда и нечего, если уж совсем честно. То ли дело кроссовки, балетки, полусапожки или ботинки удобные. Бегать в самый раз в любую погоду.

Я ведь что гончая сейчас. Не до изящества и красоты. Да и не до мужчин, откровенно говоря. Но стою и пялюсь во все глаза, ошарашенная, сбита с толку какими-то совершенно неподобающими эмоциями.

– Костя, – протянул он мне руку, как мужчине, а затем, словно опомнившись, костяшками пальцев по щеке моей горячей провёл.

В нём жило нечто несочетаемое. Какая-то внешняя мягкость и затаённая глубоко внутри опасность. Что-то такое бархатное и приятное и одновременно стальное, негибкое.

В жизни я простодыра наивная – легко меня и обмануть, и вокруг пальца обвести. Может, потому что в людях всегда стремлюсь видеть хорошие, положительные черты, а на плохое внимания не обращать или искренне верить, что у чело-

века просто шанса не было проявить самые лучшие свои качества. А так... умела я и наблюдать, и анализировать, ловить скрытые подтексты и тщательно замаскированные пороки.

– Софья, – ещё раз посмотрела ему в глаза и наконец-то сделала уверенный шаг назад, чтобы не стоять настолько близко, как сейчас.

– Добро пожаловать в наш клуб, – промурлыкал этот Котьяра и, мягко обогнув меня, пошёл прочь. Не знаю, как я сдержалась, чтобы не оглянуться, не посмотреть ему в спину.

– Ты на Котьку не заглядывайся, – больно пихнула меня локтём Альбина, – он у нас парень серьёзный и железобетонный, на женские чары не шибко падкий, а точнее – не будет с этого края ни..фига. Вот.

– Нетрадиционал? – рискнула я спросить нейтральным, как мне казалось, тоном.

– Да нет, натурал, – охотно пояснила Альбина, – только переборчивый, и на нём где сядешь, там и встанешь. Парень на одну ночь. Не женится, – вздохнула она и сделала то, что я не осмелилась: посмотрела туда, куда смылся Котьяра.

Подумаешь. Не очень-то и хотелось. Замуж и всё такое прочее. И вообще он не принц моей мечты. Слишком грустно-опасный, к тому же ростом мелковат. И вообще я сюда работать пришла, а не заглядываться на всяких Котяр, так что наваждения – прочь, да здравствуют мир и труд!

Глава 4

Костя

«Лагуна» гудела. Тихо, как волны спокойного моря. У «Лагуны» появилась свежая кровь, а это всегда будоражило. Ещё бы: после милой, но всё же древней Михайловны пришло это длинноногое чудо.

– Видел, да? – хищно скалился Тоха, оглаживая взглядом новенькую. – Пряма закачаться можно. Всё на месте: попка, грудь, белокурые волосы в пояс и ноги, ноги, ноги... – прочертил он рукой бесконечную линию.

– Ты давай, за порядком приглядывай, – осадил я его. – А будешь слишком резвый, я тебе ноги переломаяю, – вложил в голос побольше вкрадчивых, но опасных интонаций, которые действовали на всех безотказно.

Меня здесь побаивались, а я стойко поддерживал свой имидж мафиози. Да, я тут имею вес, авторитет и бессовестно культивирую образ мягкого кота с зубами тигра.

К тому же, я старожил. А ещё – лучший друг хозяина заведения. И все об этом знают, поэтому мой статус бармена никого не вводит в заблуждение. Ну, разве что совсем зелёных, которые периодически всё же меняются.

Девочки выходят замуж, рожают детишек. Или заканчивают институты и уходят работать по специальности. Мальчики женятся и находят работу получше. Семью надо со-

держат. Платят здесь хорошо, но не достаточно для мужика-кормильца. Для настоящего добытчика.

Анатолий, видимо, бессмертный, потому что, отступив, всё же решил мне перечить.

— Да ладно тебе, Кость. Ты как собака на сене: и сам не ешь, и другим не даёшь. Хороша же, ну. Самому понравилась? Думаешь подъехать? Так и скажи, а не играй роль толстой дуэньи, тебе не идёт.

— Всё сказал? — вкладываю в голос бархатную опасность. Кажется, у меня получилось очень хорошо. Толян слегка бледнеет, но, вижу, не сдаётся, а решает притормозить.

Она хорошая. Новенькая. Я таких вижу издалека. От неё веет правильностью, принципами, отсутствием вероломства. Такие не способны лгать, а если уж врут, то во имя чего-то, а не для собственной корысти.

Нет, я не провидец, но в выводах уверен процентов на девяносто. И, может поэтому, не хочется, чтобы к ней подкапывали. Вредили её неискренности.

Смазливый мордашкой в «Лагуне» не удивишь — все как на подбор. А вот с моралью и чистотой, естественно, проблемы имеются. Как и везде. Может, поэтому я не пытаюсь найти идеал. Его в природе не существует.

Вечер набирает обороты. Посетителей становится больше, музыка звучит громче, в «Лагуне» царит полумрак, который испаривают световые прожекторы. Я ловлю себя на том, что ищу светлую голову в этом праздничном хаосе.

Стойкая девочка, справляется. Усердная к тому же. Бегаёт без усталости, улыбается вежливо. По тому, как ловко уворачивается от тех, кто желал бы её пощупать, я понимаю, что ей приходилось работать если не в таком же месте, то похожем.

– Что, Кость, залип? – спрашивает Арина.

Она из мастодонтов, как и я. Работает администратором посменно. Обычно сидит, как мышь, в кабинете, «три в ряд» играет, делая умное лицо. Ну, и появляется, когда возникает конфликт или проблемная ситуация. Но здесь такое нечасто, хоть и бывает – куда ж денешься.

– Приглядываю, – улыбаюсь ей, смешивая напитки.

– Ну-ну, – дёргает она тонкими бровями, пряча ехидную улыбку. – За одной уже доприглядывался. Может, надо немножко активность проявить?

Это она намекает на Аллу. В сентябре я её замуж выдал. За Драконова².

Эту историю из уст в уста только ленивые не передают. Это одна из баек нашего клуба. Местный фольклор практически.

– Давай я как-нибудь сам разберусь, – продолжаю улыбаться, но Арина ёжится, словно ей холодно. Правильно делает. Пусть лучше занимается прямыми обязанностями, чем за мной от скуки следит.

Но я и впрямь с девчонки глаз не свожу. Всё чудится: оби-

² Речь идёт о моей книге «Драконов много не бывает», где впервые появляется Костя. Роман самостоятельный, с описываемыми событиями связан вскользь.

дят. Слишком уж она светлая для этого места. Как лучик солнца, который сюда заглядывает, когда никого нет.

Вскоре становится не продохнуть. Сегодня холодно, и народ валит толпами. Всем хочется тепла, музыки, хорошего настроения, шоу посмотреть. Представления у нас эффектные.

Пока я работаю, а народ веселится, Софья из зала исчезает. Это нормально: у неё есть и другие обязанности. Да и отдохнуть, чашку чая выпить у нас разрешается.

Не знаю, что меня тревожит. Сам не понимаю, почему неожиданно решаю проверить, всё ли в порядке.

– Я отойду, – киваю второму бармену и ухожу в сторону подсобных помещений.

Софья сражается молча. Маленькая амазонка. Вид у неё потрёпанный и немного не тот, что я помню. Сразу и не соображаю, что заставляет меня застыть. Коса. У неё и правда длинные волосы. Не в пояс, как выразился Анатолий, но очень даже неплохой светлый канат, что болтается из стороны в сторону, пока она пытается вырваться из крепких рук подвыпившего мужчины.

Миг – и он накручивает её косу на кулак, заставляя девочку замереть от безысходности и боли.

– Руки убрал и оставил девочку в покое, – приближаюсь я неслышно к парочке, что мирной никак назвать нельзя.

Мужчина поворачивает ко мне красное лицо. Он у нас бывает часто, но раньше ни в чём подобном замечен не был.

– Всё, всё, – поднимает он руки вверх, давая понять, что услышал и понял. – Ничего страшного не произошло. Размялись немного, – лыбится противно, показывая неровные зубы.

Я делаю звонок, вызывая охрану. Буквально через несколько секунд появляется Толик.

– Этого на выход, – киваю в сторону зарвавшегося посетителя. – На сегодня он своё и выпил, и отгулял.

Анатолий – профи. Мужик пытается бухтеть, но противостоять живой убойной силе охранника ему не под силу. С Толей подобные номера не проходят. Не удивлюсь, если он его немножко «пригладит» напоследок. Уж очень он молнии глазами мечет, замечая, как морщится, растирая запястья, наша новая уборщица.

Девчонка не плачет, что удивительно. Обычно такие нежные создания рыдают и ломаются. У этой, судя по всему, ещё и сила духа имеется.

– Как ты? – интересуюсь, замечая красные отметины на руках. Кожа нежная. Неудивительно.

Софья бледная, но глаза горят. Невыносимо синие. Мечет в меня молниями. Видимо, не совсем в себя пришла.

– Нормально, – бормочет, закручивая косу и остервенело закалывая её шпильками. Она, наверное, сама себе боли добавляет. – Всё в порядке.

– Ну и молодец, – скупно хвалю её и собираюсь вернуться за стойку.

– Костя, – окликает меня, и я останавливаюсь, но не поворачиваюсь. – Спасибо.

– Пожалуйста, – бросаю через плечо. – У нас такое редко. Этому сюда больше хода не будет. Но если кто пристаёт – не молчи. Он же ещё в зале... начал оказывать знаки внимания?

Мне всё же приходится повернуться, чтобы видеть её лицо. Нет, плакать Софья не собирается. По вспыхнувшим щекам понимаю, что прав.

– Как только кто-то делает поползновения, нужно об этом говорить сразу. Для этого в «Лагуне» и существует охрана. Это их работа. Не нужно справляться в одиночку с подобным. Не всегда кто-то сможет оказаться рядом.

– Я поняла, – девчонка смотрит в сторону. Упрямая.

– С боевым крещением, – мрачно шучу я и удаляюсь.

Кажется, у нас снова вакантна должность уборщицы. Вряд ли этот нежный цветок появится здесь ещё раз.

Глава 5

Софья

В этом заведении я нападения не ожидала. Вот тебе и «руки не распускают». Как говорят: рано расслабилась. Но для меня это не шок. Приходилось и с кое-чем похуже сталкиваться. Плохо только, что не была готова, а так бы, наверное, выкрутилась и без посторонней помощи.

Я не люблю быть слабой. Не нравится мне, когда кто-то становится свидетелем моих слабостей. Спору нет, этот Костя мне помог, и я ему благодарна. Но к благодарности приешивается стыд: он видел, какая я никчёмная, от пьяного мужика отбиться не смогла, и это меня задевает.

Умом я понимаю: мужчины почти всегда имеют преимущество в физической силе, а поэтому противостоять им – затея не из простых. Поэтому я всегда сторонюсь тех, кто в хорошей физической форме. Мне больше импонируют ботаны. Мой кумир – Жак Паганель³. Немного рассеянный, но добрый учёный, высокий, стройный мужчина без вот этих всех трицепсов-бицепсов тестостероновых, которые меня напрягают.

Костя-бармен как раз из отряда маскулинных самцов «не моего» типа. Слишком мужик. К тому же, взрослый. Ему,

³ Герой романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта»

наверное, за тридцать, и он совершенно не похож на доброго и хорошего мальчика.

И всё же... я напрягаюсь в его присутствии. Воздух звенит, будто наэлектризованный. Волосы дыбом встают. Может, поэтому хочу быть от него подальше. Инстинктивно.

Под конец ночи гудели ноги. С непривычки. А всё остальное – просто работа. Ничего сложного. Да и весело тут, необычно. Стыд мой ушёл. Ну, немного необычные люди – всего лишь. Местами эпатажные. А кое-кто и не выделяется из толпы. Культурная программа на высоте. Настоящий клуб, а не просто забегаловка, куда пришли выпить и поесть, развеяться.

Жизнь начала затихать около четырёх утра. Долго, конечно, особенно, если учесть, что ещё нужно вернуться домой, принять душ, приготовить завтрак и Вовку в садик отвезти. А потом и в университет на занятия сходить.

Я бы могла экономить время. Например, душ принять в клубе. Есть такая возможность. И у меня осталась бы пара часов на сон. Но кто ж знал. А я не взяла ни полотенце, ни принадлежности, ни смену белья. В следующий раз буду знать.

Как-то само собой получалось, что я готова прийти сюда ещё раз. Или столько, сколько понадобится. Это работа, а мне нужны деньги. Какая разница, где их зарабатывать?

Уже на выходе застываю и готова плакать от бессилия. У меня сдох телефон. Что ж я такая невезучая?... Как вызвать

такси, чтобы домой добраться?

– Какие-то проблемы? – тут же нарисовывается охранник Толик. Это тот, кто на входе меня сегодня встретил. Тоже немного вокруг меня крутился. И я бы не хотела, чтобы эта гора мышц тёрлась рядом. Всё из тех же соображений: не мой типаж. Слишком сильный и большой. А я таких стараюсь избегать. Но сейчас не до выбора. Мне нужно уехать. А у Толика точно есть телефон.

И только я открываю рот, чтобы попросить, рядом останавливается машина.

– В чём дело, Софья? – спрашивает Костя.

– Мне бы такси вызвать. Телефон сел, – лепечу быстро, чтобы не передумать.

– Садись, – открывает он дверцу. – Подвезу.

Я переминаюсь с ноги на ногу. Это неправильно. Но на улице похолодало, у меня и ноги, и руки окоченели.

– Сонь, давай я подвезу, – улыбается мне Толик. Я перевожу взгляд с одного мужчины на другого и делаю выбор.

– Спасибо, – сдерживаюсь, чтобы не стучать зубами. – Я с Костей.

По крайней мере, этот смотрит равнодушно, а не заинтересованно. И уже спасал меня. Как ни крути, а это веские аргументы, чтобы опасаться Костю намного меньше, чем мужчину, который смотрит на меня с жадным интересом.

Я ныряю в машину, захлопываю дверцу, пытаюсь перевести дух и согреться.

– Спасибо большое! – благодарю искренне. – Ты такой добрый!

– Не обольщайся, – кидает он на меня непроницаемый взгляд. – Я не рыцарь и не святой. И у меня правило: я не помогаю девам, попавшим в беду. Просто считай, что у тебя сегодня удачный день.

Еле удержалась, чтобы не фыркнуть. Подумаешь! Так и знала, что он непробиваемая дубина. Ну, это и хорошо. И я сделала правильный выбор. Пусть лучше уж этот сфинкс отвезёт, чем Толик, что глазами одежду с меня срывает.

– Тебе куда? – интересуется Костя усталым голосом.

– На Алексеевскую, – вздыхаю, чувствуя, как покалывают пальцы. В машине тепло, я наконец-то начинаю согреваться.

– Вы с Михайловной соседи? – кидает он на меня взгляд искоса.

– Нет, я у неё живу, – говорю очевидное и вижу, как удивлённо Костя приподнимает брови.

– Родственница?

– Квартиросъёмщица.

Не нравится мне этот разговор-допрос, словно я ему обязана что-то рассказывать и объяснять.

– Хм, – выдаёт этот тип саркастически, но больше ничего не комментирует. Что ему в этот раз не понравилось? Не верит? Думает, я лгу?

Внутри начинаю закипать, но предпочитаю посчитать до ста, чтобы успокоиться. Не хватало ещё перед ним оправды-

ваться или спорить. Я буду выше дурацких подначек. А ещё я буду умнее.

Весь оставшийся путь мы молчим. Я постепенно успокаиваюсь. Костя машину ведёт. Я украдкой его рассматриваю от нечего делать. В окно не посмотришь – темень, а думать ни о чём не хочется: я устала.

Не греческий профиль, конечно. Нос когда-то сломан, зато скулы и челюсть хоть куда – мужское начало так и прёт. Стрижка короткая, руки сильные и большие. Ладонь у него – моих три войдёт запросто. Ресницы тоже хоть куда – короткие, но густые. Они делают его лицо мягче, если присматриваться.

– Приехали, – останавливается он у подъезда. – Телефон мой запиши. Отзвонишься, как в квартиру зайдёшь.

– Это лишнее, – вежливо улыбаюсь и стараюсь, чтобы голос звучал твёрдо. – Здесь очень хороший район, тем более, в подъезде никто не пристанет.

Костя смотрит на меня мягко. Но за этой мягкостью сквозит такая сила, что хочется поёжиться или руками себя обнять.

– Сделай так, как прошу, – в голосе нет угрозы, но гипнозизм какой-то явный. Я невольно телефон достаю.

– У меня сел. Я же говорила, – вздыхаю радостно. Рано радовалась. Он мне визитку даёт.

– Будь хорошей девочкой, Софья. Я устал и хочу спать. А спать я хочу спокойно. И это не потому что я хороший. Про-

сто если ты где-то застрянешь или куда-то вляпаешься, не хочу, чтобы меня будили. А Михайловна всех на ноги поднимет, если ты не в курсе.

Я моргнула. Нет, не в курсе. Хорошая старушка. Добрая. Не надоедливая. В жизни бы не подумала, что она будет всех доставать в случае чего.

Он, можно сказать, взял и вложил в руку визитку. И пальцы мои сжал для надежности.

– За последний час она мне три раза звонила, – выдаёт Костя, – а я голову ломал, почему. Теперь мне всё понятно. Беги домой, Софья.

Звонила? Зачем? Но об этом я лучше у неё спрошу. И я побежала, махнув рукой на прощанье. А он стоял, дожидаясь, пока я в подъезде скроюсь.

Мне нравилось, как он меня называл. Софья. Это звучало... красиво и по-взрослому. Гордо даже. И намного красивее, чем Соня.

Глава 6

Костя

Я не спасатель юных дев. Надо же. Ёжусь от слов, что всплыли внезапно, как подводная лодка на вражеской территории. Однажды я уже произносил подобные слова вслух. Всё закончилось тем, что Алла стала почти родственницей.

Нет, не кровной, к сожалению. Но есть узы, что гораздо крепче крови. Они сейчас за городом живут. Драконовы и Лика, тётка моя любимая. Алла ждёт второго ребёнка, а я... Наверное, слишком долго надеялся.

Нет, я ни о чём не жалею. Как говорит моя мама, у каждого своя судьба, поэтому не стоит думать, что она ко мне несправедлива. Просто уготовила другое, и я не спорю. Принимаю всё, как есть.

Я не спешу уезжать. Хочу дождаться звонка этой белокурой нимфы с синими глазами. Да, рассмотрел, пока приглядывал. Неиспорченные девочки нынче редкость. А эту обидеть – всё равно что щенка бездомного пнуть или коту к хвосту трещотку привязать.

Она не звонит. Упрямая. Чувствую, как раздражаюсь. Готов уже Михайловну набрать, когда раздаётся телефонная трель.

– Прости, пожалуйста, – голос её звучит очень тихо. – Телефон после разрядки включаться не хотел. Всё хорошо. Я

дома. Езжай уже домой.

И я понимаю, что она видит, как моя машина торчит под подъездом. В окна выглядывала. Надо же.

– Спокойной ночи, – слова произношу намеренно бесстрастно и отключаюсь.

Мне бы с места сорваться и домой – упасть и уснуть, но какое-то время сижу, барабанив пальцами по рулю. Дома меня никто не ждёт, поэтому несколько минут в тишине ничего не решают. Ни в лучшую, ни в худшую сторону. Всего лишь ночная стынь и подкрадывающаяся зима за стеклом. Может, поэтому как-то пусто на душе.

Хватит на сегодня лирики. Материализм – крепкая основа бытия. Поэтому я завожу мотор и выезжаю из сонного тихого двора

Софья

– Ну, как тебе? – спрашивает Михайловна почти на пороге. Она, что называется, по стеночке движется. Трудно ей и больно, и это тревожит меня не на шутку. Она ж такая всегда бодрая и энергичная, а сейчас ей словно крылья обрезали.

– Всё хорошо, Алина Михайловна, – раздеваюсь и иду на кухню. Надо выпить горячего сладкого чая. Завтракать рано, а я голодна, оказывается. Физические упражнения даром не прошли. Может, и хорошо. Я давно даже зарядку не делаю, а тут спортивное мероприятие, считай, бесплатно. Очень полезный комплекс упражнений – наклоны и приседания, бег

по пересечённой местности.

Невольно разжимаю ладонь. Надо же. Там визитка. Зажала так, что даже раздевалась – не выпустила. Кладу её на стол. Константин Громов. Ему идёт. Гром. Грррозная такая фамилия, ему под стать.

– Тебя Костичек подвёз? – бурно радуется Михайловна. – Ах, какой хороший мальчик!

Ну, да, для Михайловны он мальчик, безусловно. Но для меня Костя и «мальчик» – вещи несовместимые.

– Да, я вот, – мямлю, ставя чашки и моя руки, – телефон разрядился, поэтому такси вызвать не смогла.

– А я-то думаю, почему дозвониться не смогла! – осторожно, бочком, охая и страдальчески морщась, Михайловна пристраивается на стуле.

– Не нужно было ему звонить, – мягко упрекаю я её. – Но благодарю за беспокойство. Я же взрослая, вы знаете. Умею справляться и сама.

– Нужно, не нужно, – ворчит Михайловна, – всё ж я тебя туда отправила, так что ответственность никто не отменял, а я люблю всё под контролем держать, вроде уже и не чужая ты мне.

Я задыхаюсь от её слов. Слезы на глазах выступают. Пытаюсь дышать, чтобы не дать себе расплакаться, потому что её равнодушие дорогого стоит. Это и неожиданно, и приятно. А ещё горько. Есть на то причины, но я стараюсь их не вытягивать на свет божий. Мне нужно быть сильной, иначе

рассироплюсь, а потом будет во много раз больше.

– Ты это, позвони, – кивает она на визитку. – Раз дал, просил же?

– Ах, да-да, – суечусь, подключаю шнур питания. Мой старенький телефон, как назло, упрямится, включаться не желает. Я даже думать не хочу, что будет, если он вдруг заартачится и не захочет работать. Сейчас лишние траты мне не по плечу.

Всё случается одновременно: чайник закипает, телефон включается, а мне опять приходится выбор делать. Я в окне машину Громова заметила. Стоит, ждёт, а я тут...

Чувство вины стискивает горло. Он устал, спать хочет, а я его задерживаю. Вот же – обязательный какой. Не удивлюсь, если поднимется и за шкурку оттреплет. Поэтому я хватаюсь за телефон, отчитываюсь. Точнее, оправдываюсь. А в ответ вежливое, но холодное:

– Спокойной ночи.

Да я и не жду от него чего-то особенного. Всё правильно. Но почему-то стою у окна, смотрю и гадаю, почему он не уезжает. Про чай забыла. А машина всё так же стоит, как хищник, что затаился и ждёт. Чего, спрашивается?

Когда он наконец-то вырулил, я поняла, что затаила дыхание. Вот же. Гипноз какой-то. Но, наверное, это всё от чувства вины. Из-за своей несобранности заставила человека ехать неизвестно куда.

Но долго сокрушаться мне некогда. Отмираю. А Михай-

ловна всё так и сидит на стуле, сверлит меня внимательным взглядом.

– Костик хороший, – говорит она, в глаза мне заглядывая. – Такой... надёжный. Отличный парень. И не из этих стрекозлов, у которых ветер в голове. Вот у меня Богдан такой же – правильный. Только, зараза, не женится никак. Нет для него девушки достойной. Может, как и для Константина. Они, видишь, постарше, мудрее, жизнь нюхали. Им вертихвостки даром не нужны. А правильные девочки нынче редкость. Хоть и встречаются, да.

Слишком уж она пристально меня разглядывает. Становится неуютно и неловко. Я вряд ли тяну на неземной идеал, поэтому даже слышать не хочу, что там Михайловна придумала или нафантазировала.

– Чай будете? – спрашиваю, чтобы сбить её с прицела ненужных мыслей и выводов.

– Буду, конечно! – охотно кивает головой. – И хлебушка подрежь, и колбаски с сыром. Что-то я проголодалась. Сейчас мы чаю, бутербродов, сушек пожуюм! Мёд тоже доставай!

Отличное начало дня. Спать только некогда. Но после быстрого душа жизнь снова наладилась, а после посиделок с чаем – вдвойне. Чай у Михайловны хороший, душистый, крупнолистовой. Сплошное удовольствие. Одно плохо: на сытый желудок глаза сами по себе закрываться начали.

Но если кто и сдаётся, то не я. Я вон «Лагуну» выдержала, а выспаться могу и позже.

– Ну что, не испугала тебя работа-то? – хитро жмурит глаза Михайловна. – Пойдёшь ещё раз туда?

– Пойду, – киваю, помешивая кашу. Я для Вовки овсянку варю. Он её любит. С маслом, с яйцом, с белым хлебом.

Знаю: нам бы немного ограничиться нужно. Он уже в весе перебирает, но никак не могу уговорить себя быть построже. Я всё ещё помню его впалые щёки и голодный взгляд, и поэтому позволяю ему есть, а себе – эту слабость: кормить его хорошими продуктами, впрок, даже зная, что в садике у ребёнка ещё один завтрак будет, от которого мой Вовка никогда не отказывается.

– Вот и молодец, – радуется Михайловна.

– Вы должны были мне сказать, что это за место, – всё же решаюсь Михайловну пожурить.

– Меньше знаешь – лучше спишь! – изрекает она, совершенно не чувствуя себя виноватой. – Пойду, может, усну наконец-то.

Кряхтя и охая, она поднимается со стула. Я помогаю ей. Шаг за шагом, осторожно, веду её в спальню и помогаю снять халат, лечь в кровать. Михайловна наконец затихает, а я ухожу. Загружаю стирку, мою посуду – делаю мелкие домашние дела, чтобы не уснуть. У меня впереди очень долгий день, поэтому лучше не присаживаться и глаза не закрывать. А то пиши пропало.

Глава 7

Софья

– Со следующей недели – на пятидневку, – ставлю я перед фактом Вовку. Тот недовольно сопит и дует губы, но козни строить не смеет. Он хоть и маленький ещё, но хорошо понимает, что это вынужденная необходимость.

– Не хочу, – всё же не выдерживает он.

– Так надо, малыш, – вздыхаю я и поправляю ему шапку, что налезла на глаза. – Мне работать надо, а ты ж у меня умища. Тем более, целых два дня мы будем вместе, не считая выходных. По сути, тебе три дня потерпеть придётся. А это не так уж и много.

Круглосуточная группа – наше спасение. Во-первых, я там подрабатываю. Во-вторых, мне есть куда Вовку пристроить и не переживать. Особенно теперь, когда ночи у меня, судя по всему, будут заняты. Вешать ребёнка на приболевшую Михайловну – неправильно. Ей на ноги надо встать, отдышать больше, а Вовка, хоть и послушный, но всё же ребёнок, за ним приглядывать надо.

У меня круговерть обыкновенная. Вовку – в садик, сама – на занятия, после – в магазин, немного поспать, домашними делами заняться. Всё по плану, никаких поблажек.

Да, таксист был в чём-то прав: мои ровесницы наслаждаются жизнью, по клубам ходят, с юношами встречаются или

просто находят время поболтать, сходить куда-нибудь. У меня с этим всё сложно.

– Так не годится, Ковалевская! – заявляет моя единственная, но самая верная подруга Дашка.

Мы с ней со школы дружили, а дальше наши дорожки разошлись: учимся в разных вузах, не совпадаем, встречаемся редко, больше по телефону разговариваем. Вот как сейчас.

– Ты когда в последний раз отдыхала и в люди выбиралась? – вопрошает она.

– Не поверишь: буквально несколько часов назад, – улыбаюсь, прижимая телефон к уху, отчего шапка стремится и с головы слезть, и перекосябочиться, и вообще откинуться в неизвестном направлении. – Так наотдыхалась, что до сих пор неоновые огни в глазах горят.

– А вот с этого места поподробнее! – мигом воодушевляется Дашка, и я вкратце рассказываю ей о новой работе.

– Круть! – задыхается она от восторга. – Нужно будет сходить, посмотреть. Ты меня заинтриговала! Только надо, чтобы ты не работала, а отдохнула по-настоящему, – вздыхает сокрушённо.

– Ты ж знаешь: у меня обстоятельства.

– Ну, да, – сникает она, держит паузу, а затем добавляет оптимистично: – Главное – держись! Всё в этом мире надо пережить! А всем, кто будет палки нам в колёса вставлять, дружно скажем: не дождётесь!

Она всегда поддерживает меня. И эти звонки – как связь с Большой землёй: помогают мне карабкаться дальше. Дружеское плечо для меня очень много значит.

– Так и будет, Даш, не сомневайся, – свернула я разговор. Слезы близко. От благодарности. А так... маленькая слабость, с которой я справлюсь, потому что правильно подруга сказала: никто и никогда больше не дождётся моих слёз!

Костя

Поспать толком не получилось. Мысли всякие в голову лезли, а с утра нашлись дела, что требовали моего внимания. Ближе к обеду, когда я готов был вырубиться и поспать хоть несколько часов, позвонила Лика.

– Как ты, сынок?

Она часто так меня называла. Я у них с мамой – один сын на двоих. И сложно сказать, кто вложил в меня больше – мама или Лика. Голос у тётки грустный немного. Я умею ловить эти интонации, а поэтому невольно волнуюсь.

– У меня всё хорошо, – спешу её успокоить.

– Я скучаю. А ты давно к нам не приезжал. Совсем забыл.

Она знает, почему я приезжаю редко. Там Алла и Драконов её ненаглядный. А мозолить глаза лишний раз и вызывать ненужные эмоции – незачем. Мне вполне хватает того, что Лике с ними хорошо, а дозированные встречи раз в месяц приемлемы и для меня, и для Драконовых.

Главное – Лика ожила, дом её мужа службу сослужил.

Жизнь продолжается. А я... счастлив, когда у моих близких всё хорошо.

– Очень много работы, ты же знаешь, – слабая отмазка, но другого ничего придумать не могу.

– Бросал бы ты свой клуб. Ну зачем тебе там надрывать-ся? – заводит Лика старую песню. Она всё равно не смирилась с моим странным хобби, хоть я ей и объяснял, что для меня значит работа барменом. – Лучше бы отдыхал больше и на девушек внимание обращал.

Эта песня тоже не новая. Не хочется ей напоминать, что последний раз, когда я всерьёз засматривался на девушку, закончился не в мою пользу. Проще как-то жить без этих душевных потрясений. Комфортнее и ненапряжнее. В конце концов, не всем мужчинам суждено влюбляться, жениться и обзаводиться кошками, собаками, кучей детишек. Без них как-то спокойнее, шерсть клубками от животных по дому не вьётся, а тихо, чисто, благородно.

Пусто. Но этот коварный внутренний голос я пинками загоняю поглубже. Пусть сидит и не высовывается.

– Лика, – добавил я в голос суровости, – мы это уже сто раз обсудили.

– Да хоть двести! – показывает огненный характер тётка. – Жениться тебе пора, Кость. Вот нашёл бы хорошую девушку, стал бы чаще к нам заглядывать, и все были бы спокойны и счастливы!

– С хорошими напряг, Лик, – улыбаюсь я невольно. – А

кто попадая нам не годится, ты же знаешь.

– Я только сейчас поняла, что неправильно тебя воспитывала. Надо было кардинально подходить. С ремнём в руках или хворостиной. Не добили мы тебя сынок, вот что. Всем хорош: умный, красивый, успешный, но дурак.

– Что поделать? – развёл я руками, забавляясь. Определённо: Лика умела поднимать тонус, когда настроение критически опускалось ниже плинтуса.

– Лучше б ты грузчиком где устроился! – продолжает полыхать тётка. – А то мне всё чаще кажется, что твоё непонятное хобби слишком на тебя влияет и что ты выбрал эту дурацкую работу в самом неподходящем месте не зря!

Всё, это последняя точка кипения, когда Лика вспоминает о некоем своеобразии «Лагуны».

– Я заскочу на выходных, – обещаю, понимая, что и правда, оттягивай, не оттягивай, а в гости заявиться нужно. К тому же, это очень хорошая тема, которая быстро остужает Ликин боевой пыл.

– Правда? – теряется тётка. В её голосе я слышу надежду и слёзы. Медленно выдыхаю, чтобы уменьшить давление в груди. Я её всё же люблю. Она дорога мне, и это не вычеркнуть, не забыть, не исправить. Да и не нужно. У каждого человека должна быть семья – я в этом глубоко убеждён.

– Честно-честно, – клянусь, как в детстве.

– Вот и хорошо, мой золотой, я пирожков напеку. С яблоками и капустой – как ты любишь. В этом году яблок уро-

дило – девать некуда. Возьмешь с собой. Витамины. Нечего всякую гадость по супермаркетам подбирать, когда есть своё, натуральное, без химикатов и всех этих ГМО.

Тётка оседлала очередного своего конька, и я ещё несколько минут слушал её ворчание, понимая, что соскучился.

И пока она бормотала, я прикидывал, какие подарки и гостинцы купить, чтобы их порадовать. Мою любимую тётю Лику. Аллу беременную. Аську смешливую – её дочь. Бастинде лохматой игрушку куплю, а Персику – какого-нибудь паштета, он любит. О Драконове старался не думать. Как-нибудь уж потерпит меня, никуда не денется.

Но, строя планы, я даже подумать тогда не мог, что всё выйдет не так, как я себе навоображал.

Глава 8

Софья

– Софьюшка, – кряхтит Михайловна, – надо бы нам графичек с тобой обсудить. Ты ж не бросишь друга в беде? Я как бы планирую в «Лагуну» вернуться, но, сама понимаешь: возьмут кого другого со стороны – выпихнут под зад коленом.

– Вам там нравится? – задаю вопрос, что мучает меня со вчера.

За три месяца мы с Михайловной буквально срослись: общий язык нашли, взаимопонимание, жили мирно, без подозрений и лишней нервозности.

Я сразу поняла: ей общения не хватает, потому что в деньгах она не нуждалась. И в клуб именно поэтому шастает, наверное.

А уж если совсем откровенно, мне с ней невероятно повезло. Я уж не знаю, кому в небесной канцелярии поклоны отвешивать за то, что случайно натолкнулась именно на её объявление. За те деньги, что ей плачу, вряд ли я смогла бы найти что-то нормальное да ещё и почти в центре.

– Нравится. Почему ж нет? – соглашается Михайловна. – Среди людей, интересно. Движение – жизнь. Всё лучше, чем дома сидеть или с пенсионерками на лавочке у подъезда. Внук у меня вырос, правнуков, наверное, не дождусь.

Михайловна горько поджимает губы. Она почти ничего не рассказывает о своей семье. Так, прорывается иногда, и не всегда весело. Она вообще не типичная старушка. Те любят сплетни собирать, обсуждать всех, кто на язык попадает.

Михайловна любопытная и болтливая, но я ни разу от неё не слышала: «А Машка из пятнадцатой с Васькой тягается» или что-то подобное. Она лучше сериал обсудит, расскажет, где продукты качественные и недорогие купить, похихикает, сидя в «Одноклассниках». Никогда в душу не лезла с расспросами, не задавала дурацких или неудобных вопросов.

Михайловна была очень деятельной, но одинокой старушкой. Я знаю, что у неё есть семья. По крайней мере, внук Богдан, о котором она изредка вспоминает и с которым болтает по телефону пару раз в неделю, а может, и чаще, но не при мне. Но за три месяца никто ни разу к ней не приехал.

Вполне допускаю, что она мотается в гости. Михайловна, как и все великие полководцы, передо мной не отчитывается. Как и я перед ней. У нас в этом плане – мир и согласие.

– Я знаю, что ты подрабатываешь, и тоже по ночам, – торопливо тарыхтит она, – но в «Лагуне» смена не каждую ночь, так что можно будет совмещать. А потом, глядишь, я на ноги встану, и всё наладится. Там же нормально, место приличное. Хорошую девочку никто не обидит.

Кажется, Михайловна в этом свято уверена, а я молчу про вчерашний инцидент. Зачем её тревожить? Ничего же не случилось. Конечно, ей не приходилось ни с чем подобным

сталкиваться, потому что вряд ли кому в голову пришло бы приставать к ней. А я... наверное, у меня на лбу написано, что я жертва.

– Я буду работать, – снова подтвердила готовность помочь и ей, и себе. – Думаю, у меня получится совместить. В крайнем случае, я с напарницей поменяться сменами в садике могу.

– Вот и хорошо, – Михайловна улыбается и радуется. Много ли надо человеку для хорошего настроения?

Костя

Я в ней ошибся. Она пришла снова. Вышла из такси, бодро потопала к служебному входу. А я стоял и смотрел.

Шапка у неё смешная, девчачья совсем. Да что я... Она и есть девчонка. Сколько ей? Первокурсница, небось.

Толян её окликнул, она обернулась, махнула рукой. Пальцы тонкие. Замёрзла небось. Одета, скажем прямо, не по погоде. Немудрено, что пришла. Деньги – мощный стимул, позволяющий забыть о страхе. А так бы вряд ли она ещё раз сюда ткнулась.

Улыбка у неё искренняя. Никто, видимо, не успел ещё испортить светлую душу. Как же тебя угораздило, девочка? Вокруг столько грязи.

Я бы, наверное, не хотел наблюдать, как она меняется. Становится взрослее, опытнее, циничнее, обрастает панцирем, учится курить или пить, флиртовать с мужчинами.

Чёрт. Куда-то не туда уносят меня мысли.

Мне бы головой тряхнуть, выкинуть оттуда девчонку, а вместо этого я представляю, как она сейчас снимает куртку, дует на свои тонкие замерзшие пальцы, согревая их дыханием...

Представляю, как обе её узкие ладошки легко бы поместились в моей одной. Как я грею их и тоже получаю порцию тепла от её улыбки, предназначенной мне, а не Толяну.

Всё-таки пришлось тряхнуть головой. Как оказалось, бесполезно.

– Здравствуй, Костя, – тихий голос за спиной.

Я её не вижу, но представляю. Воображение живо дорисовывает тонкую фигуру, джинсы, футболку с логотипом «Лагуны». От Софьи пахнет чистотой – совершенно особенный запах, без примеси духов.

Тонкие. Ей бы подошли тонкие духи с почти неслышными нотами. Их чувствуешь, когда прижимаешь девушку к себе, зарываешься пальцами в волосы. Запах, принадлежащий мужчине, который её обнимает, и никому больше.

– Здравствуй, Софья, – я оборачиваюсь, чтобы наконец-то её увидеть. Минимум косметики. Волосы стянуты в хвост и уложены тугим узлом на затылке. – Думал, ты больше не придёшь, – сам не знаю, зачем озвучил свои мысли.

– Я пришла, – просто отвечает она. Улыбки мне не дарит. Смотрит вроде бы спокойно, но глаза становятся колючими. – Я не такая слабая и беспомощная, как ты думаешь.

– Я не думаю.

На миг она словно становится ещё выше и тоньше.

– Это видно. Изредка можно думать всё же. Хорошего вечера, – кивает, как королева, и уходит.

Девочка кусается. И я вдруг понимаю, что меня невероятно заводит. Вот это сочетание нежного цветочка и стойкого духа. Неосознанно тянет на какие-то сомнительные подвиги, но я себя одёргиваю. Я привык к стабильности, а крутые горки ни к чему.

Вечер уже начался. У нас есть посетители. Совсем мало. Возможно, сегодня их будет меньше. А может, больше. Не угадать. Всё зависит от того, сколько найдётся желающих выйти из дома в мороз.

Я наблюдаю, как Софья протирает столики. Улыбается. Не мне.

Я протираю стаканы, делаю всё то же, что и всегда, но кому я вру: я наблюдаю за ней. Как когда-то наблюдал за Аллой. Это сравнение мне не нравится, и я пытаюсь отвлечься, загрузить себя делами, но нет-нет да поглядываю. Даже не так: приглядываю в полглаза. Если к ней кто-то посмеет пристать, я всегда смогу прийти на помощь.

Правда, сегодня, по всей видимости, помощь моя не понадобится: Толик с неё глаз не сводит. Открыто пялится. Молодой здоровый самец под два метра ростом. Шикарный экземпляр. И давно я не видел, чтобы его от девочек плющило. Такие, как он, вниманием женского пола избалованы. А

тут смотри-ка: стойку сделал, но, к его счастью, знаков внимания не оказывал. Только глазами ел. И это тоже почему-то меня задевало.

Вечер прошёл спокойно, без лишних всплесков, и закончился пораньше. За последним посетителем дверь закрылась минут двадцать назад, но я не спешил. Ждал. Но почему-то ни Софья, ни Толик уходить не спешили. Я не видел, чтобы они уходили. И ноги снова понесли меня к коридору со служебными помещениями.

Очень тихо, поэтому слышно, как где-то льётся вода.

Толика я нахожу на охранном посту. Он так увлечён, что не слышит моих шагов. Да куда ему. У меня у самого ноги к полу прилипают, когда я вижу разворачивающуюся перед моими глазами картину.

Глава 9

Костя

Толян сидит у монитора, разве что не вывалив язык. Полностью погружён в созерцание.

Я слышу, как гудит процессор. Как шумно дышит охранник. Я вижу, как мигает его телефон: то ли звонок, то ли сообщение пришло. Но Толику не до того: он рассматривает девушку, что принимает душ.

Она поворачивается осторожно, чтобы не намочить волосы. Она подняла их. Накрутила узел на макушке. Выступающие лопатки, позвонки, тонкая талия, округлые бёдра и очень красивые ноги. Бесконечные. Толян прав. Пятки розовые, нежные.

Я готов был, как и охранник, окаменеть, разглядывая девушку. До тех пор, пока не увидел синяки у неё на запястьях. Это почему-то меня отрезвило.

– Ты что делаешь? – голос мой в тишине прозвучал как выстрел.

Толян дёрнулся. Обернулся. Глаза у него как у сумасшедшего. Шальные и не совсем разумные. Мышцы напряглись. В штанах небось кол стоит.

– Фу, Котя, ты меня напугал, – шумно выдыхает Толик. – Видишь, наблюдаю за порядком, – кивает на экран, улыбаясь.

– Вижу. Это чьё распоряжение – поставить камеру в душевую? – холодно интересуюсь, разглядывая этого примата.

Толян застывает, а потом вальяжно разваливается в кресле.

– Ой, да перестань. Она там испокон веков стоит, чтобы ты знал.

– Не знал. И, думаю, это нарушение личных границ. Твоя задача не за персоналом следить.

– Да конечно! – крысится он на меня. – Тут кого только ни бывает! И комнаты вип у нас имеются, если ты не в курсе. И мало ли что. Контингент, сам знаешь, какой. Ширнутся там, или ещё что – пляши потом, как угорелый.

– Это комнаты для персонала, – продолжаю я на него давить, чувствуя, как внутри поднимается тёмная волна.

– Ну и что? Для тебя новость, что ли, что и персонал здесь иногда зажигает. Тебе ли не знать? – намекает он на историю с Аллой и Драконовым, и это именно тот момент, когда у меня сгорают предохранители.

– Отключи камеру, – двигаюсь я на него мрачной тучей. – И после того, как мы с Софьей уйдём, ты уберёшь её из душа и подсобных помещений для персонала. А я завтра поговорю с Андреем Михайловичем.

Толик идёт пятнами, из чего я делаю вывод, что хозяин клуба не в курсе его самостоятельности.

– Вы с Софьей?! – у него будто голос другой стал, слишком уж изменился.

Хм. Или Андрей в курсе, и Толика сейчас совершенно другое заботит, чем превышение полномочий на рабочем месте?

– Мы с Софьей, – подтверждаю спокойным голосом и сверлю убийственным взглядом Толикову переносицу. Если он сейчас на меня бросится, я готов. И, кажется, как никогда в жизни, у меня чешутся кулаки.

– Коть, скажи сейчас, что ты это несерьёзно, – встаёт Толян во весь свой почти двухметровый рост. – Первый раз в жизни девушка понравилась, и вечно кто-то поперёк дороги встаёт.

– Ну, раз вечно, значит не первый раз, – холодно возражаю я. – Найди другой объект, а Софью оставь в покое.

Толик руки на груди складывает. Смотрит на меня задумчиво сверху вниз. Видимо, мысли ворочает. Тяжело ему это даётся.

– Вот скажи: на хрена она тебе сдалась? Ты ж бетонный, Коть. Ты чисто из вредности или как?

– Или как, – кидаю и ухожу, но на пороге его комнатухи оборачиваюсь: – Я тебя предупредил, Толь. Давай без самодеятельности.

Он молчит, но его тяжёлый взгляд я чувствую затылком. Не уверен, что он отступится. Если я бетонный, то Толик – твердолобый. Упрямый очень. Любит своего добиваться всеми доступными способами. И не совсем правильными – в том числе.

Дело на самотёк пускать не собираюсь: иду по коридору и останавливаюсь напротив душевой. Как чёртов мафиози или сутенёр. Ещё и руки на груди складываю. Но я не чувствую себя глупо. Я чувствую, что всё делаю правильно.

Софья выходит оттуда полностью одетая. Только лёгкие завитки на шее да розовые щёки выдают, что она делала. В руках у неё пакет и полотенце, которые она со слабым криком роняет, уставившись на меня в немом ужасе.

– Через десять минут жду тебя у входа, – говорю спокойно, но так, чтобы она поняла, что шутить со мной или играть не стоит. – Отвезу тебя домой.

– Спасибо, – пищит она, – я сама, такси вызову.

Пальцы у неё подрагивают, а я чувствую, что злюсь. Из-за того, что напугал. Из-за того, что она меня боится, будто я монстр из фантастического боевика. Потому что от разговора с Толиком ещё не отошёл и плюнуть и уйти не могу.

– Через десять минут, – добавляю глубины в голосе. – И перестань трястись. Я не кусаюсь.

Софья справилась за пять минут. Выскочила из здания, как ошпаренная. По сжатым губам и стремительности, я понял, что она тоже злится.

– Это совсем не обязательно! – выпаливает она, как только усаживается рядом со мной. – Вы... ты не обязан! – путается, не зная, как ко мне правильно обратиться. – Я скажу Михайловне, чтобы она тебя не напрягала.

Она думает, что я старушке потакаю?

– Михайловна ни при чём, – говорю чистую правду. – Я живу неподалёку. Такси – дорого. А тебе нужны деньги. Ведь нужны?

Она замирает, сжавшись, как пружина, что готова выстрелить в небеса. Может и не отвечать – и так видно.

– Ты же не помогаешь девам? – цедит она сквозь зубы, и я представляю, чего ей стоит сдержаться.

Заводит. Она меня заводит. Никогда не испытывал тяги к девушкам, которые готовы со мной спорить и сопротивляться. Но с этой с самого начала всё неправильно. Поэтому лучше не думать.

– Скажи честно: тебе что-то нужно от меня? – кидает она на меня обеспокоенный взгляд. И что-то затравленное, жуткое проскальзывает в её взгляде. Её кто-то обидел? Обижал?..

Медленно считаю до десяти, потому что эти мысли мне неприятны. Не то, что Софья думает обо мне, а то, что кто-то её запугал настолько, что она готова в каждом мужчине видеть плохое.

– Мне ничего не нужно, расслабься, – советую ей очень спокойным голосом и наконец-то завожу машину. – А что касается того, что я не помогаю девам...

Держу паузу. Искоса наблюдаю, как она замирает в ожидании ответа. Чёрт, она всё равно на взводе. Тронь её сейчас пальцем – выскочит из машины с визгом.

– Я передумал, – рублю канат. Или сук, на котором сижу.

Да и хрен с ним. Внизу бывает намного интереснее, чем на высоком дереве, где и тебя никто достать не может, но и ты ни до кого не дотянешься.

Глава 10

Софья

Так не бывает. Только не со мной. Слишком хорошо – это значит, что скоро будет очень плохо, поэтому я не верю мужчине, что спокойно, сосредоточенно ведёт машину.

Мне не понятна его забота. Особенно, после показательного фырка, что он девам не помогает. Что это за игры в «помогаю», «не помогаю»?.. Почему он передумал? Есть же для этого причины?

– Софья, перестань придумывать то, чего нет, – прерывает Громов молчание и мои трусливые, скачущие, как кенгуру, мысли.

– Учти: я собой не торгую, – заявляю слишком громко и, кажется, слова звучат истерично, потому что, пока мы молчали, я успела себя накрутить.

– Я учёл. И это прекрасно, – выдаёт он невозмутимо. На нём хоть выпипись: большой, спокойный, невозмутимый. Кажется, ему вообще плевать, что я сижу, как на иголках. – Считай, что я Дед Мороз.

– Дохнёшь и заморозишь? – язвлю на нервах.

– Щедрый и раздаю подарки детям. Немного раньше срока, но, думаю, это не критично. Добро ведь не только в Новый год бывает, как и чудеса.

– Не очень ты на Деда Мороза похож, – бормочу, понимая,

что меня немного отпустило: я расслабилась и попыталась удобнее устроиться на сиденье.

– В следующий раз надену красную шубу, шапку, нацеплю дурацкую бороду и обязательно красный нос прилеплю.

Я издаю смешок. Ему удалось. Как он может быть таким? Как можно шутить с невозмутимо спокойным лицом?

– Это лишнее, наверное.

– Зато буду соответствовать образу. Чего ради имиджа не сделаешь? – говорит он. Ни тени улыбки на лице. Всё такой же серьёзный.

Голос у него бархатный, приятный. На мой взгляд, не очень вяжется с его внешностью, но отними хоть один штрих – рассыплется картинка, распадётся на отдельные фрагменты, станет чем-то другим, но не Костей Грозовым.

Вдруг очень захотелось увидеть его улыбку. Не помню, улыбался ли он мне. Посмотреть бы на искры в его глазах. Смягчается ли его лицо? Есть ли морщинки возле глаз?

– Приехали, Софья, – говорит он, аккуратно заводя машину во двор и останавливаясь у подъезда Михайловны. – Беги домой, Снегурочка.

Кидает на меня взгляд. Глаза у него мерцают из-под ресниц. Смотрит на меня мягко, словно обволакивает, затягивая куда-то слишком глубоко. Туда, где я не умею дышать. Теряюсь. Не знаю, как себя вести и что делать.

Сердце грохочет, как тысячи молотов сразу. Не понятно, почему я медлю, но во мне бурлит такая доза адреналина,

что я могу запросто поставить рекорд на стометровке, если вдруг мне приспичит её пробежать.

И тогда я делаю невероятное. То, что разумная Софья Ковалевская никогда бы и ни за что не сделала.

Я показала ему язык. Молча, зажмурив глаза. А когда я их осмелилась открыть, Костя смотрел на меня озадаченно, словно сомневался в моей адекватности.

Боже, какой стыд. Кошмар. Я выскочила из машины, как ошпаренная кошка – шерсть дыбом, глаза навывкате, щёки пылают. И последнее, что я увидела, захлопывая дверцу, – улыбку Громова.

С ума сойти. Съехать с рельс. Провалиться в татарары.

Лучше б я его не провоцировала. Потому что как теперь развидеть, забыть то, что стоит перед глазами и не хочет уходить?

Он улыбался шикарно и щедро. Улыбка затрагивала глаза, преображала лицо. На левой щеке у Кости ямочка – маленькая и аккуратная, будто нарисованная.

Он другой. И, может, поэтому я мчу подальше от него. Безопаснее, наверное, не знать разного Громова. Не видеть его улыбки, не слышать его голоса. Вообще не узнавать настолько близко. Лучше держаться на расстоянии, но почему-то я всё равно вижу его лицо. Когда поднимаюсь лифтом. Когда открываю дверь и тихонько раздеваюсь.

Михайловна спит. Вовка сопит. Я специально прошлась по спящему дому, успокаиваясь, не зажигая свет.

Телефон в руках оживает – жужжит от входящего сообщения. Я подскакиваю от неожиданности.

«Софья?»

Одно слово – и снова сердце вскачь.

«Я дома» – печатаю трусливо, потому что не хочу слышать его голос.

На цыпочках пробираюсь в кухню, выглядываю в окно. Так и есть – стоит его машина под подъездом. Костя никуда не уехал, ждал, когда я позвоню.

Мигают фары, словно приняв сигнал. Громов уезжает, а я всё стою, как зачарованная, не в силах оторваться от окна. Нужно поспать – понимаю умом, но во мне сейчас столько бурлящих эмоций, что не знаю, усну ли. Правда, становится проще, когда голова касается подушки.

Костя

Девчонка. Совсем как ребёнок. Только реакция на её выходки у меня совсем не невинная. Заводит, заводит до отказа, до предела.

Она ушла, а я понимаю, что улыбаюсь. Больше никаких Толянов рядом. Я точно знаю, что нужно сделать. Возможно, это несправедливо, но кто сказал, что жизнь – это розы? Шипов и колючек гораздо больше, чем благоухающих лепестков.

Тонкие духи. Еле слышные. Я снова об этом думаю, а память услужливо подбрасывает детали: хрупкие плечи, по-

звонки в ряд. Наверное, мне бы понравилось их трогать. Пересчитывать осторожно. Касаться кожи. Нежная. Я видел синяки на её запястьях.

И она опять не позвонила. В следующий раз проведу её до самой двери, чтобы не торчать тут, как влюблённый Ромео под балконом Джульетты.

Хотелось ещё раз услышать её голос, но я себя победил. Обмен смс – вполне в духе нашего времени. Для начала достаточно.

Я еду домой, а по дороге делаю звонок. Тот, кому я звоню, точно меня простит.

– Не спишь? – уточняю, хоть музыка где-то в отдалении говорит сама за себя.

– Шутишь? Кто спит в такое время?

Андрей насмешливо тянет гласные. У него в городе несколько клубов, и «Лагуна» – пусть и любимое детище, но всё же не приоритет для него сейчас. Поэтому он бывает там нечасто. Предпочитает ловить рыбку пожирнее.

– Я даже знаю, почему ты звонишь, – смеётся легко. – Да уберут эти чёртовы камеры оттуда. Что-то ты слишком нежный стал, Коть.

Значит, знал. А может, и сам распоряжался, чтобы их там натыкали.

– Я Анатолия переведу в другую смену, – ставлю перед фактом почти компаньона.

– И ради этого ты звонишь в глухую ночь? – раскатисто

ржёт Андрей. – Ты же в курсе: меня такие мелочи не тревожат. Я беспокоюсь лишь об имидже, чтобы не было скандалов и нарушений законов. Ты же знаешь мою позицию.

Я знал. Именно поэтому Андрей тогда упёрся и позволил уволить Аллу. Чтобы не было шумихи и неприятностей, которые в красках пообещал Драконовский друг.

– Ну, и насколько я понимаю, опять неземные страсти вокруг девочки?

Андрей всегда всё понимал правильно. К тому же – не секрет – у него везде имелись уши и глаза. Он всегда благосклонно слушал любые сплетни, истории, домыслы и басни. Жила в нём непреодолимая тяга к местному фольклору.

– Без обид, Коть, но она тоже вылетит, если вдруг чего. Мне ваши мексиканские страсти ни к чему.

Андрей нарывался. Я вдруг снова почувствовал приближение тёмной волны. Второй раз за сутки – это перебор, конечно, но его разглагольствования меня покоробили и взбесили. Правда, показывать это я ему не собирался.

Он забывал, что мы с некоторых пор компаньоны. Продолжал играть в удельного царька. Я смотрел на это сквозь пальцы, потому что меня его принципы и подковёрные интриги не задевали. Но всё происходит до поры до времени, как говорят.

– Нет, Андрей, какие могут быть обиды? – произнёс я ровно, – Но Анатолия я переведу в другую смену, а девушка останется работать при любой погоде и раскладах. Или му-

сор со столов придётся убирать тебе.

Сказал – и отключил телефон. Пусть помучается. Ему полезно. А то, что Андрей забеспокоится и будет задаваться вопросами, я уверен.

Глава 11

Софья

Сегодня от «Лагуны» у меня выходной. Есть время, чтобы отдохнуть, к занятиям подготовиться, домашние дела переделать.

– Что-то мне не лучше, – Михайловна мрачна, как туча перед ураганом. Такой мне её ещё наблюдать не приходилось: она всегда бодра была и деятельна, а тут ей вынужденно приходится в четырёх стенах ползать. – Терпеть не могу болячки! – сердито высказывает она. – Ни выйти, ни прибраться, сижу, как пень!

– Вы лечитесь, – пытаюсь её успокоить, – а в квартире я уберу, мне несложно. И еду приготовлю, и в магазин сбегая.

– Ну, да, – вздыхает она, – мало тебе Володьки, ещё и я на твои хрупкие плечи. Как ты всё тянешь – ума не приложу.

– Я привыкла, – улыбаюсь, хоть эта эмоция сейчас не очень искренняя. – Это только кажется, что тяжело, пока не начнёшь делать. А потом всё становится намного проще. Как в поговорке: глаза боятся, а руки делают. Вот скоро вы на ноги встанете, вернётесь в «Лагуну», жизнь опять заиграет красками. А сейчас главное не сдаваться, лечиться, терпеть.

– Да терплю я, терплю. Куда ж мне деваться? – ворчит Михайловна. Глаза у неё блестят, но она – кремень, не даёт слезам пролиться.

У меня есть ещё одно очень важное дело, которое я откладываю и оттягиваю, как могу. Но тани не тани – нужно собраться, выдохнуть и сделать.

Поэтому, покончив со всеми делами, я отправляюсь в дом в нескольких кварталах отсюда. Там прошло моё детство. Там я была счастлива. Как жаль, что всё хорошее рано или поздно уходит. По крайней мере, у меня всегда так.

Метро, троллейбус – и знакомые деревья встречают меня, как верные стражи. Им холодно и грустно под пронзительным ветром, что сегодня сбивает с ног, будто тоже помнит лучшие времена, но спешит напомнить о плохих.

Знакомый подъезд. Старая лавочка с оторванной посередине доской. Приближающаяся зима не красит ни старое здание, ни окружающий пейзаж. Наоборот, словно выпячивает все недостатки.

В подъезде, правда, подобие ремонта. Когда я приходила сюда в последний раз, стены были разрисованы наскальной живописью и жалкими потугами в граффити.

Мне недалеко – на второй этаж. Наша дверь – самая старая и страшненькая. Соседи давно сменили. Зато дверной замок не тот, что помнил меня, и поэтому я жму на кнопку звонка. Жму быстро и решительно, чтобы не передумать.

– О! Какие люди и без охраны! – показывает свои щербатые зубы отчим, складывая мощные руки на груди. Тот самый, ненавистный мне типаж: большой, крепкий, сильный. К сожалению, и дерьмо редкостное. – Привет, Сонька! – хва-

тает он меня за руку.

Я хоть и была начеку, всё же проворонила его молниеносный выпад. Он держит меня, как в тисках, всё сильнее сдавливая предплечье. Тянет на себя.

– Заходи, что ты как неродная? Мы тебя тут ждём, ждём, а ты всё не являешься и не являешься. Совсем родных забыла, загордилась, фря. Носа не показываешь. Стыдишься нас. Не уважаешь!

Я сопротивлялась, а он всё сильнее сдавливал руку. Ещё немного – и вывернет, сделает во много раз больше, но мне невыносимо его терпеть. Эти прикосновения. Эту мерзкую улыбку, этот масляный похотливый взгляд, что блуждает по мне, как поплавок в грязной луже.

– Сонечка, – выныривает из дальней комнаты мать, и я перевожу дух. При ней он не сможет ни приставать, ни издеваться в открытую. – Заходи, дочка.

Она выглядит уставшей и осунувшейся. Волосы торчат, халат требует стирки. Она опустилаcь. Стала другой рядом с этой гориллой. И мне не понятно, почему.

– Денечка, поставь чайник, пожалуйста.

Отчим хмыкает, но отпускает меня, уходит на кухню. У него чуть кривоватые ноги, но, если не обращать на мелочи внимания, то он по-своему хорош, конечно, внешне. Только я упорно не могла найти в нём, как ни старалась, хоть какую-нибудь положительную черту.

Почему она выбрала этого уroda? После папы – милого,

доброго, интеллигентного? Денис – противоположный типаж. Здоровый бугай с замашками садиста.

Он появился вскорости после смерти отца. И я задавалась вопросом: откуда он взялся? Видимо, мать отцу изменяла – приходил только один правдоподобный ответ. Но спрашивать об этом я не могла. Я всё ещё берегла всё то светлое и чистое, что у нас оставалось. Если я разрушу и эти иллюзии, то как потом жить и смотреть на других людей? Как не искать потайное дно даже там, где его может и не быть?

Я и так... наверное, поддалась этим настроениям и с осторожностью смотрела на окружающих. Особенно меня пугали физически сильные мужчины. Может, и не обоснованно, но ничего с этим я поделать не могла.

Пока я не убралась из отчего дома, отчим при любой возможности грязно меня домогался. Ему доставляло удовольствие меня третировать. К счастью, он не заходил за последнюю грань, хотя руки распускал.

Ему нравилось тиранить и унижать. И морально, и физически. Он знал о своём превосходстве в силе, поэтому с наслаждением пользовался. Подозреваю, матери тоже доставалось, но она никогда не жаловалась. Терпела молча.

В тот день отчим был пьян. Он выгнал нас с Вовкой на улицу, и мы ушли, в чём были. Да я только была рада: жизнь превратилась в кошмар, ребёнок не доедал. Денис заявлял, что не намерен кормить дармоедов. Приходилось выкручиваться.

К тому времени мать потеряла работу, а этот – кормилец – по сути, любил только себя.

Нас приютила Дашка, правда, ненадолго. Приезжала, плакала мама.

– Денис расстраивается, что был резок. И жалеет, – уверяла она, а я не могла ей сказать: проснись, очнись наконец-то!

Но что-то мне подсказывало: мать не поймёт, не сможет. Не сейчас, наверное. Время надо, чтобы она прозрела. А она словно в тумане: верит какому-то постороннему мужику, а не мне. Но, видимо, была у него над матерью какая-то особая власть. Он умел быть убедительным.

Возвращаться я отказалась, и тогда начался ад. Отчим преследовал нас. Приезжал, скандалил без зазрения совести.

Пришлось мне и от Дашки уехать. Зачем людям лишние проблемы?

Но не перевелись ещё добрые души: пока я не нашла первую съёмную квартиру, мы с Вовкой прятались у девчонки в общежитии. Официально туда меня поселить не могли из-за местной прописки. Общежития предоставлялись только иногородним.

Первое наше жильё находилось у чёрта на куличках. Старая неопрятная халупа, но большего на то время я себе позволить не могла. Приходилось вертеться. И уже позже всё устроилось лучшим образом, когда я нашла Михайловну.

– Пойдём, чаю попьем, – улыбается мама, но улыбка у неё жалкая.

Я не хочу пить чай. Не хочу здесь находиться. Но приходится.

– Что, пришла снова воровать? – сидит, как зэк на зоне, отчим, почёсывая сквозь майку грудь.

После нашего побега с Вовкой я вернулась и собрала кое-какие вещи. Другой возможности или шанса у меня больше не предоставилось: Денис сменил замки.

– Я забрала только свои и Вовкины вещи, – напоминаю я ему. – Вряд ли бы вы их носили.

– Ты поговори мне ещё! – прикрикивает он на меня, отхлёбывая шумно чай из кружки. – Деньги пропали. Заработок, между прочим. Нам с матерью пришлось на хлебе и воде перебираться.

Он лгал. Я никогда не брала его деньги. Но оправдываться и возмущаться не было смысла. Всё равно я буду не права.

– Ну так чо, Сонь, бабки принесла, совесть замучила? Али соскучилась, доча?

Меня передёрнуло. От его взгляда. От его развязных слов.

– Я пришла забрать документы, – заявила, глядя ему в глаза.

Глава 12

Софья

– Да ты что! – нехорошо улыбается он. Мерзкий, скользкий, знающий своё превосходство. – Видишь, Тата, выросла дочь, оборзела. Требовать пришла. Не просить, заметить. И это после того, как воровала.

– Денис, – тихо просит мама, но ему всё равно – взобрался на Олимп и вещает, местный божок.

А я думаю: она мне не поможет. Потому что тогда выбрала не нас с Вовкой.

– Это моя квартира. Бабушка её оставила мне, – делаю отчаянную попытку быть смелой.

– Что ты говоришь? Правда, что ли?

Я должна. Должна! Это не только моё наследство, но и Вовкино, принадлежит нам по праву. А я для Вовки хочу только самого лучшего. Спору нет: с Михайловной нам хорошо, но это не навсегда. Придёт момент – и нам нужно будет уйти. Я не хочу всю жизнь скитаться и быть зависимой.

Беда только в том, что этот паук всё под себя подгрёб. Они эту квартиру сдают и, подозреваю, матери из тех денег мало что остаётся.

– Правда, – меня начинает колотить от собственной смелости.

Денис смотрит на меня долгим взглядом, а потом подно-

сит большой кулак к моему носу.

– А вот это видела? Нюхала? Пришла она сюда права качать, воровка! Сунешься ещё раз – по стенке размажу и в полицию заявлю, что приходишь шантажировать и вымогать.

Это не пустые слова. Денис когда-то служил в органах. У него там всё схвачено, есть знакомства, может, поэтому он настолько в себе уверен.

И этим самым кулачищем он бьёт по столу. Моя чашка с чаем, к которой я так и не притронулась, жалобно звякает. Чай разливается по столешнице. Я вскакиваю. Не хочу ни ошпаренной быть, ни бегать потом в мороз с мокрыми штанами.

Я смотрю на отчима, во мне зреет протест. Рвётся из глубин души горечью. Вот он – не дурён собой, сильный, статный, а только ничего в нём нет по-настоящему стоящего. С запашком, с гнильцой, когда только на одном физическом превосходстве может уничтожить, сравнять с землёй, обвинить и оболгать, зная, что останется безнаказанным.

– Вон! – кричит он, краснея мордой. – Чтобы духу твоего не было! Ты бы лучше мать пожалела, поддержала, деньги вернула, те, что украла!

Он, наверное, сочиняет и сам верит в свои басни. Сказочник.

– Сонечка, Соня, – суется мать, уводя меня из кухни. Дрожащими руками она суёт мне в руки куртку.

– Уходи, – шепчет она одними губами. – Позже. Что-ни-

будь придумаем. Образуется, – шелестит, но я понимаю: она ничего не сделает, вряд ли сможет. – Вот, – суёт она мне в руки пакет, – Вове привет передавай.

Отчим бушует на кухне. Судя по звукам, чашка с чаем всё же упокоилась на кафельном полу. Он ругается, сыплет угрозами, выскакивает наконец за нами вслед.

Мать буквально выпихивает меня за порог и закрывает своей спиной.

– Ну, что ты, Денечка? Сонечка ушла, – слышу я её заискивающий голос и глотаю ком отвращения, что застрял в горле.

У меня ничего не получилось. Но я всё же попыталась. Не ради себя. Ради Вовки. Уже на улице я заглядываю в пакет, что навязала мне мать. Пирожки. С мясом, наверное, и капустой. Маме они всегда удавались лучше всего. А ещё может быть рис с яйцом – Вовкины любимые.

Хочется разреваться, но я себе не позволяю. Я сделала шаг, предприняла попытку. В следующий раз нужно быть умнее. Дождаться, когда монстра дома не будет. Раз уж я воровка, то терять мне особо нечего.

Мне нужно немножечко удачи, но пока она не на моей стороне.

Пирожки мы умяли с чаем на ужин.

– Какая мастерица у тебя мама! – восхищается Михайловна, а я отвожу глаза. Да, она, наверное, видит, что у нас не всё гладко, но ей хватает такта не расспрашивать, потому что

у меня нет духу рассказывать и жаловаться. Такие вещи я предпочитаю держать в себе и не надоедать своими проблемами окружающим.

У меня звонит телефон. Незнакомый номер. Я не очень люблю такие звонки. От них тревожно сжимается сердце. Так однажды мне позвонили и сказали, что умер папа. И после этого я чувствую неловкий трепет. Мне всё кажется, что кто-то на другом конце эфира несёт дурные известия.

– Да, – стараюсь, чтобы голос не дрожал.

– Привет, Соня, – рокошет мужской голос прямо мне в ухо. – Это Толик, помнишь меня?

С трудом сосредотачиваюсь, вспоминая, каких Толиков я знаю.

– Из клуба «Лагуна», – уточняет он.

Я кидаю на Михайловну испуганный взгляд, но она увлечена разговором с Вовкой. Спешу уйти из кухни. Если это плохие известия, то я бы предпочла выслушать их наедине сама с собой.

– Что-то случилось? – спрашиваю, понимая, что не могу реагировать спокойно.

– Случилось, – смеётся он раскатисто, – хочу тебя в кино пригласить или погулять. Как ты на это смотришь?

Я прикрываю глаза и пытаюсь овладеть собой, выровнять дыхание.

Толик. Огромный, как Денис. Я бы не хотела с ним иметь ничего общего. Может, я предвзята, но инстинктивно пыта-

уюсь отгородиться, быть подальше от таких мужчин.

Он ничего плохого мне не сделал, но эти эмоции, восприятие сильнее меня. И как хорошо, что я его не вижу. Телефон – всё же замечательная штука, позволяющая держаться на расстоянии.

– К сожалению, я не могу, – пытаюсь слова проговаривать вежливо. – Извини, но завтра у меня занятия. Я хочу позаниматься и пораньше лечь спать. Завтра работать, нужно отдохнуть. Как и тебе, полагаю.

– Да перестань! – снова смеётся он. Этот его напор ещё больше делает его похожим на Дениса. – Даю торжественное слово: мы просто погуляем. Поговорим, пообщаемся. Это же отдых! Даже таким умным и усердным девочкам, как ты, надо свежим воздухом дышать.

– Да я как бы... уже надышалась, – возражаю уже твёрже.

– Эх, какая ты неприступная! – кажется, он не обижается, смех всё такой же естественный и, на первый взгляд, искренний. Но у телефона есть и свои недостатки: не видя человека, невозможно сказать, так ли это на самом деле. – Ну, ладно. Тогда до завтра? Встретимся ночью, как и положено настоящим вампирам.

– До завтра, Толик, – вздыхаю с облегчением и отключаюсь.

Мне не нравится, что он обратил на меня внимание. Не нравится этот звонок. Не нравится его настойчивость. Может, ничего плохого и нет в его голове, но я бы предпочла

никогда не знать, о чём он думает.

Пока я замираю и думаю, как переключить Толика на какой-нибудь другой объект женского пола, телефон снова оживает.

«Громов», – высвечивается на этот раз. Они договорились атаковать меня со всех сторон? Этому-то что от меня нужно?

Глава 13

Костя

– Да, – уже по голосу Софьи понимаю: она встревожена и напряжена. Один крохотный повод – взорвётся и оторвётся на мне, как на последнем идиоте, что пропался не вовремя под руку.

– Привет, – говорю нейтрально и прикрываю глаза. Так я точно не скажу ничего лишнего. – Есть не очень хорошие новости. На смену нужно выйти сегодня.

Пауза. Тишина. Я вдруг понимаю, что могу не дожидаться ответа.

– Да, конечно, – выдыхает она то ли устало, то ли обречённо, а может, даже с облегчением. – Если надо, я выйду.

– Надо, – глотаю воздух, понимая, что задерживал дыхание. – Это вынужденная мера. Потом будет два выходных вместо одного.

– Хорошо, – слишком покладисто, поэтому я решаю понаглеть:

– Я заеду через полчаса.

– Костя, это лишнее, правда, – пытается она настоять на своей самостоятельности, но мне лучше притвориться глухонемым, чем дать ей шанс ускользнуть.

– Через полчаса жду тебя у подъезда, не опаздывай, – и отключаю телефон.

Она ответственная, а я настойчивый. И обязательно выясню, что с ней случилось за сутки и почему она из задорной девочки, что показывала мне язык, вдруг превратилась в напряжённую струну.

Нет, я не великий эксперт и охотно верю в то, что девушки подвержены колебаниям настроений, но для каждого маятника всё же существует сила, что подтолкнула его и заставила колебаться.

У Софьиного настроения точно был раздражитель, и я собирался узнать, какой.

Сложно было не думать о ней. Волей-неволей я взвешивал все "за" и "против", понимая, что всё для себя решил, вне зависимости, какие списки составлю, сколько приведу аргументов.

Иногда жизнь хочет идти сама по себе, вопреки всяким сценариям, которые мы ей навязали или пытаемся навязать.

Ровно через двадцать восемь минут я стоял у подъезда Михайловны, сжимал руль и думал о том, что через несколько минут я увижу Софью.

Она, естественно, опоздала. Не критично – всего на семь минут. Вполне нормальное испытание для нордического характера, коим я не обладал, хоть и пыжился нечто подобное изображать. На это ума у меня хватало.

Софья скользнула рядом. По лицу её понял: готова получить взбучку за опоздание, и поэтому не стал её отчитывать. Да и не собирался, разве что с иронией, но, судя по всему,

до иронии и смеха мы сегодня вряд ли дойдем.

– Ты не должен, – качает она головой, с упрямством носорога продолжая тот разговор, на котором я доблестно её прервал.

Жаль, сейчас не получится притвориться глухонемым. И отключить её, как телефон, я тоже не могу. Она все равно не успокоится и найдёт способ донести до меня свои мысли и доводы.

Лишние полчаса она, видимо, потратила не на то, на что обычно убивают время девушки. Уж точно не на макияж и не на наряды.

Моя Софья сочиняла убедительный спич, почему я не должен за ней заезжать. Ну, ладно. Я готов её выслушать. Мне несложно. Может, даже полезно. Будет возможность выдвинуть контраргументы.

– Ты не должен этого делать, Костя. Я могу добираться до работы и обратно сама.

– Можешь, – соглашаюсь почти философски, – но это нерационально. И, кажется, мы это уже обсуждали. У тебя есть лишние деньги на такси?

Она не просто вспыхивает – идёт пятнами.

– И с этим я тоже справлюсь сама, – голос у неё дрожит, но тверд, как алмаз.

А мне даже нравится, что она такая. Упрямая и непокладистая.

– Послушай, Софья, – смотрю на неё строго и внимательно-

но. Пытаюсь разгадать тайный код и обнаружить следы бывших цивилизаций, что сделали её такой неприступной.

– Не знаю и не хочу знать, что творится в твоей голове. Мы просто коллеги. Нас связывают деловые отношения. То, что я тебя подвожу, увожу с работы – это сугубо мое решение, не имеющее никаких тайных подтекстов. Можешь их и не искать. Это рационально, я не напрягаюсь, не трачу время – всего лишь делаю небольшой крюк, заезжая в другой двор. На этом все. Это единственное лишнее телодвижение, которое делаю не я, а моя машина.

– Но почему-то Михайловну ты не подвозил, – упрямо сжимает она губы, думая, что вот этот довод железно сможет сбить меня с толку.

Я лишь смеюсь. Недолго, чтобы не успела обидеться.

– Да, не подвозил, – снова смотрю Софье в глаза. – Михайловна, в отличие от тебя, ходила на работу больше по прихоти, от скуки, от тоски, от одиночества. Для нее работа у нас была отдушиной, хобби, возможностью побыть среди людей. Но никак не способ заработать на жизнь. Скорее – приятный бонус. Скажи ей кто-то, что платить не будут, она, думаю, все равно бы приезжала. Возможно, гнуть спину не стала б, но появлялась бы, чтоб развеяться, послушать новые сплетни или новости, побыть в толпе, убить время. Она делала бы это до тех пор, пока не нашла бы альтернативу, когда и для души, и с пользой для кошелька. Но не потому, что у неё нет денег. А чтобы стимул был помощнее. Так ей легче адапти-

роваться, примириться с действительностью.

По глазам Софьи вижу, что Америку для нее не открыл.

– Мы закончили с муками совести, поисками скрытого смысла, научными изысканиями?

– Не уверена, – всё же продолжает она упрямыться.

– Хорошо, – соглашаюсь, – тогда у тебя есть время, чтобы придумать нечто посерьёзнее, чем довод с Михайловной. А я пока всё же поведу машину. На работу лучше не опаздывать.

Она затихает. Усаживается поудобнее. Я бросаю на неё косые взгляды. Не похоже, что она пытается судорожно что-то придумать, но и в то, что она сдалась, я тоже не верю.

Меня это не тревожит. Абсолютно. Может, потому что я проделал достаточно серьёзную работу – поменял графики. Больше никаких Толиков рядом с Софьей. Да здравствует надёжный и глубоко женатый Сёма.

Больше никаких камер слежения в душевой и подсобках для персонала. Может, для перестраховки они и нужны. Но если всегда всех и во всем подозревать, то не останется места доверию. А оно всё же необходимо.

И пока я занимался этими мелочами, гнал от себя мысли, что делаю это по одной простой причине: для девушки, которую видел всего лишь пару раз в своей жизни. Это был очень честный ответ, но я убеждал себя, что делаю добро для всех, избавляю работников "Лагуны" от постыдной слежки. И это тоже правда, но не подвернись случай с Софьей, все осталось бы, как и было. И я задавал себе вопрос: стал бы я

для кого-то другого напрягаться?

Не исключено. Я всегда тяготел ко вселенской справедливости. А разговор с Андреем убедил окончательно: я больше не хочу быть компаньоном и совладельцем. Либо я буду заниматься клубом сам, либо выйду из доли и наконец-то обрадую Лику, потому что с хобби подрабатывать барменом тоже придется расстаться.

Не так уж я и держался за эту должность, особенно в последнее время. Нет-нет да посещали меня мысли о бренности бытия и о том следе, который я бы хотел оставить после себя. Как оказалось, быть в памяти людей Костей барменом – не предел моих мечтаний.

Да, многие догадывались, что я не просто смешиваю напитки. Но раньше меня не волновали пересуды, всё устраивало. Позже, когда Алла почему-то посчитала, что я какой-то бандит или мафиози, я понял, что мне не совсем безразлично, что обо мне думают люди, которые так или иначе дороги мне и которым (я на это очень надеялся), не совсем уж безразличен и я.

Вписывалась ли в эту категорию Софья? Я пока ещё не решил, но все мои поступки говорили о том, что, кажется, это не проходной вариант, не просто интерес с моей стороны. Оставалось только понять, что с Софьей не так. И смогу ли я ей в конце концов понравиться.

Я любил вызовы. Это азарт, драйв, невероятные ощущения, когда смотришь судьбе в глаза и обыгрываешь её на её

же поле.

Впрочем, всем известно, что судьба слепа. Может, поэтому с ней тягаться сложно. Но я всё же хотел рискнуть.

– Сколько тебе лет, Софья? – спросил я, когда мы подъехали к "Лагуне". Вопросы она не ожидала, и поэтому ответила честно:

– Двадцать один.

Она старше, чем я думал. Или все же солгала? Если да, то слишком умело.

– Это играет какую-то роль? – она снова встревожена. – Кажется, это возраст, когда всё доступно и нет никаких ограничений. Если надо, я покажу паспорт.

– Да, отличный вариант. Паспорт мне показывать не обязательно, а в понедельник днём зайди в бухгалтерию. Оформись официально.

– Я н-не могу, – пятится она и смотрит на меня испуганно, – это не мое место. Михайловна просила подменить. Она... заболела. И очень хочет вернуться назад! И с моей стороны будет свинством и предательством, если я поступлю с ней так подло. Я на такое не способна. К тому же, меня устраивает временность. У меня есть работа на самом деле.

Софья разволновалась, разнервничалась. Именно в таком состоянии необученные войска сдают бастионы.

Я мог всё о ней узнать из других источников, но предпочел играть максимально честно. Так даже интереснее.

– И кем же ты работаешь, если не секрет? – мягко поин-

тересовался я. Она могла промолчать. Сказать, что секрет. Огрызнуться, что не моего ума дело. Вместо этого она убила наповал.

– Нянечкой в детском саду.

Что?.. И ради этой работы она готова расстаться с заработком в "Лагуне"? Да быть того не может. Или она пока слабо представляет, сколько здесь зарабатывают?..

Глава 14

Софья

– А скажи мне, Софья, – ведёт меня внутрь здания Костя за руку, – а тебе Михайловна говорила, сколько ты будешь зарабатывать?

Что за дурацкие вопросы?

– Нет. Но я и не спрашивала. Во-первых, это была просьба о помощи. И будь работа копеечной, я бы всё равно помогла. Михайловна очень хорошая, приютила нас, когда нам очень сложно было найти приличное жильё за очень скромные деньги. И она терпит, когда я задерживаюсь с оплатой.

– А во-вторых? – перебивает он мои дифирамбы в адрес моей квартиросдавательницы. Лицо у него какое-то совершенно непроницаемое становится. Он словно злится или даже в ярости – не понять все его вот эти перепады от мягкости до жесткости. И допрос с пристрастием мне тоже не по душе. Кто он такой, чтобы интересоваться моей жизнью? И не слишком ли он нагл для простого бармена?

– А во-вторых, я мечтаю стать воспитателем в детском саду. Учусь в институте. Педагогическом. Год осталось доучиться. Поэтому я бы не хотела бросать подработку. Для меня это практика в некотором роде.

– Между воспитателем и нянечкой все же есть разница, – снова становится он необычайно мягким. Смотрит на меня с

участием и, наверное, с жалостью – в полутемном коридоре не разобрать.

– Да, есть, – соглашаюсь я, – но мне это не мешает: теоретические знания дополняются практическими навыками. Надеюсь, на этом мы закончили познавательный экскурс в мой небогатый опыт работы? Думаю, он никакой особой роли не играет. На твоё предложение, к сожалению, а, может, к счастью, я согласиться не могу. И, надеюсь, ты разрешишь мне переодеться, иначе я рискую опоздать.

– Иди, Софья, – прислоняется Костя к стене. И я лопатками чувствую: он смотрит мне вслед. Что за фокус-внимание? Зачем я ему понадобилась? И кто он такой, если легко распоряжается, кого брать на работу, а кого не брать?

Его вопросы и действия внутри подняли не просто бурю – целый ураган.

Конечно же, мой трудовой опыт должностью ночной няни не ограничивался. Мне приходилось работать официанткой в месте, весьма далеко от цивилизационных благ «Лагуны».

Там было все намного проще. Платили неплохо. Но и вкалывать приходилось на пределе сил и возможностей. Поначалу мне казалось, что ноги отваливаются, а потом втянулась.

Правда, долго моя бесславная карьера официантки не продлилась: до первых серьезных штрафов, когда я поняла, что наступит день, когда я должна буду больше, чем зараба-

тываю. Мне хватило ума рассчитаться и не появляться в том злосчастном месте никогда.

Этот мой горький опыт и был второй причиной, по которой я не желала связываться с официальным трудоустройством в «Лагуне». Заведение могло вполне оказаться всё той же куриной жопой в павлиньих перьях. Да и Михайловну обижать и подсиживать я не хотела.

Уж если приспичит заменить её кем-нибудь помоложе и порасторопнее, пусть это буду не я.

Смена была новая – другие лица, суровый, но не менее массивный охранник вместо Толика. Вот уж по чьему отсутствию я не страдала совершенно. Мне не нравилась его настойчивость. Я беспокоилась и ломала голову, откуда он взял мой номер телефона.

Из знакомых лиц – Костя и Альбина.

– И часто здесь меняются смены? – спросила я её.

Альбина только плечом повела.

– Ой, да обычная практика. Кто-то не смог, заболел, приспичило за границу съездить. Незаменимых нет – очень прочный и действенный девиз.

Сложно не согласиться. И я больше об этом не задумывалась.

Их в зале работает двое – Альбина и черноокая Ира. Обе быстроногие, улыбчивые, приятные и внешне, и в общении.

Чуть позже, когда мы с Альбиной пьём чай, я всё же рискнуло обтекаемо задать вопросы, что невольно мучили и тре-

вожили меня.

– Отказалась от официального трудоустройства? – у Альбины от удивления глаза чуть из орбит не вылезли. – Да ты с ума сошла! Это ж отличное место, платят стабильно заработки нормальные. Зря. Очень зря. Да ты не о старушенции думала бы, а о себе. Михайловну и так никто не выпрет, не переживай. Захочет тут зажигать, пока вперёд ногами не вынесут, – так и будет. Она тут по протекции работает. Поэтому её никакие обстоятельства не подвинут. А вот ты сглупила конкретно. И поверни оглобли, пока не поздно.

– Да поздно, наверное. Я слишком решительно отказалась. Пусть. Что ни делается – к лучшему. К тому же, думаю, это несерьёзное предложение было.

– Почему ты так решила? – иронично приподняла бровь Альбина, аккуратно откусывая от крохотной печенюшки маленький кусочек.

– Потому что об этом Костя бармен сказал, – наконец-то я подобралась к главному, тревожащему меня фактору.

Альбина издала какой-то странный звук. То ли смешок, то ли стон. А может, и то, и другое вместе.

– Ну, раз Костя тебя пригласил, тем более, не нужно было ломаться. Конечно, это сплетни и слухи, но никто здесь не сомневается: Костя куда больше, чем просто машина для смешивания коктейлей. Поговаривают, что он и есть настоящий хозяин «Лагуны». Просто ему нравится изображать простачка, своего парня, но, согласись, не очень-то у него

это и получается.

Я сидела, молча переваривая новость. Кое-что встало в нужные пазы. По крайней мере, выглядело логично. Всё, кроме его заботы обо мне.

Я до сих пор не понимала милостей, что падали с барского плеча. Опека Громова выбивала из колеи. Я бы предпочла, чтобы Дед Мороз делал счастливыми других девушек, а меня оставил в покое.

У меня никак не хотел сходитьсь ответ в задачке по имени Костя Громов. Я весь вечер исподтишка наблюдала за ним. Пыталась поймать, что ли.

Но Громов вёл себя, как всегда: работал, вежливо улыбался, подавал напитки, смешивал коктейли. Пил кофе, наслаждаясь каждым глотком. И не шарил глазами по залу в поисках меня. Не следил за каждым моим шагом. По крайней мере, я не заметила. И если он всё же делал это, то поймать его я не смогла.

Его ровность, естественность притупили мою подозрительность.

Да, я знаю, что немного истеричка и люблю себя накручивать. Но после Дениса и его подлых, неадекватных выходов, немудрено, что я готова в любом физически сильном мужчине видеть угрозу.

Мне кажется, что люди посильнее меня духом, оглядывались бы с опаской по сторонам, если бы пережили то, через что пришлось мне пройти.

Костя выглядел очень адекватным. Может, поэтому я решила немного отпустить себя. Всё же вера в людей во мне не умерла. Она просто даёт сбой.

Костя

Нас. Она сказала: Михайловна приютила нас. И всё. Я больше ни о чём другом думать не мог.

Кто он, что входит в Софьино ёмкое «нас»? Кот, собака, черепаха? Кто угодно, только не другой мужчина. Он не выписывался в её образ, не угадывался рядом.

Никакой нормальный мужик не позволит работать по ночам своей девушке. Не позволит себе не встречать, не провозжать её. Да и вообще...

Я понимал, что горожу глупость на глупости. Мужик мог сам работать днями и ночами, быть слизняком или вообще не быть. «Нас» – это ещё ничего не значит. Я просто должен знать, кто с ней рядом – и всё, тогда перестану ломать голову.

Проще всего – позвонить Михайловне. Она всегда хорошо ко мне относилась, но выпытывать что-то за Софьиной спиной – как-то не очень красиво.

– Приглядывай за девочкой, – приказал я Сёме, и постарался полностью отпустить ситуацию.

Смена хорошая. Вечер обещал быть спокойным. Напористый Толик вне досягаемости. Можно расслабиться, работать, слушать музыку и ловить ненавязчивый трёп завсегдаев. Они иногда много интересного рассказывают. Правда,

сегодня я больше изображал вежливое благодушие и вряд ли смогу потом восстановить в памяти хоть одну сплетню или новость.

Все силы уходили на то, чтобы не следить за гибкой фигуркой, что ловко двигалась между столиками. Не следить за белокурой головой с тяжёлым узлом на затылке.

У Софьи красивая шея. Длинная, грациозная, подвижная. На изгибе, ближе к ключице, – четыре родинки, словно хвост неизвестного созвездия из чужой галактики.

Как хорошо, что ей некогда, что она постоянно занята и не может видеть, как я замираю порой, чтобы ею любоваться. Что я тоже замечаю её взгляды, которые она на меня нет-нет да бросает.

Я давно научился наблюдать краем глаза, замечать мелочи, запоминать детали, за которые неискушённый взгляд и не зацепится.

Может, поэтому я замечаю на её руке новые синяки – уродливые пятна, что обезображивают Софью нежную кожу.

Это не те отметины, что оставил клиент пару дней назад. Те, на запястьях, никуда не делись. Она их прикрыла широкими браслетами. А об этих то ли забыла, то ли не сочла нужным прятать. Но, судя по тому, как она маскирует прежнее, вряд ли бы оставила их без внимания. Скорее всего, понадеялась, что рукава футболки скроют синяки.

Да так и есть. Она просто не учла, что ей придётся много

двигаться и вольно или невольно, руки её оголяются.

Кто он, этот урод? Входит ли он в её «нас»? Если да, то куда смотрит Михайловна? Она боевая старушка и вряд ли позволила издеваться над девушкой.

Кажется, мне окончательно снесло башню. Все эти догадки, подозрения, вопросы перемешались в голове. Дикий коктейль, с которым я обязан справиться.

Она походила на шараду. Пугливая, но смелая. Хрупкая, но гибкая и сильная. Постоянно сопротивляющаяся и не дающая о себе заботиться.

Не потому что набивает цену. У всех её поступков, сомнений и страхов есть причины. И я только убедился в своём желании, разгадать каждую из них. Я смогу это сделать.

На какие-то жалкие минуты я потерял её из виду. А потом получил удар под дых. Так, что в глазах заискрило и в голову шарахнуло, будто мне на затылок кирпич упал.

Она сидела за столиком и улыбалась. Так улыбалась, что у меня дыхание остановилось. Улыбалась этому хлыщу... Тому самому, из-за которого Аллу Жалейкину, нынче Драконову, выгнали с работы.

Какого чёрта?! Я его и так с трудом переносил, а в этот миг возненавидел всей душой. Так бы и врезал, чтобы перевернулся в воздухе раза три. Или четыре. А лучше – сто пятьдесят раз и отчалил куда-нибудь подальше в дикие космические пустоши.

Глава 15

Софья

Я ещё со времён работы официанткой всегда старалась казаться незаметной. При моём цвете волос и росте за метр семьдесят – это почти невозможно, но не провоцировать самцов взглядами, многообещающими улыбками – этому я научилась очень быстро.

Когда ты полностью погружён в работу, но постоянно на чеку, то опасных ситуаций возникает намного меньше.

Отстранённость, вежливость, умение молчать – прекрасные качества. Не могу сказать, что они у меня в крови, но практика и работа над собственным характером даром не прошли.

– Посиди со мной, – прикосновение чужих пальцев подобно ожогу. Не потому что он меня впечатлил, а потому что я не очень жалую чужие прикосновения, особенно, когда я их не жду.

Я мягко освобождаю руку и поднимаю глаза, чтобы вежливо отказать. Альбина объяснила, что нам разрешается посидеть в зале и поговорить с клиентами, если они изъявляют такое желание.

– Это не обязаловка, – легко махнула она рукой, – никто не может и не имеет права тебя заставить сидеть, разговаривать, слушать чьи-то откровения, но мы нередко де-

лаем это. Начальство поощряет. Наша «Лагуна» претендует на звание домашней. Людям нравится, они приходят снова. Ничего лишнего себе не позволяют, а если переступают черту, то теряют дом. Практически бездомными становятся, – смеётся она зажигательно, но за этим смехом я слышу уверенную твёрдость.

У них так принято, но я не собиралась быть чьим-то «случайным попутчиком». До тех пор, пока не подняла глаза на человека, который меня остановил возле своего столика.

Он был точно таким, как я его себе представляла. Жак Паганель, сошедший со страниц Жюль Верна и каким-то чудом попавший в «Лагуну».

Высокого роста – это легко угадывалось по длинным ногам, что не помещались под маленьким столиком. Худой, но очень приятной наружности. Чуть рассеянный взгляд, стильная стрижка, невероятно длинные пальцы, что охватывали стакан с соком.

Современный Жак Паганель в тёмных джинсах и водолазке под горло. Ему не хватало очков в тонкой оправе для завершения образа.

– Пожалуйста, посиди со мной, – повторяет он просьбу, – совсем немного.

И я, как зачарованная, падаю на стул. Улыбаюсь ему, понимая, что краснею. Он такой милый. И такой одинокий.

Не знаю почему, но мне его жаль.

– Ты здесь новенькая, правда?

– Правда, – складываю руки на коленях, потому что должна их куда-то деть.

– Тогда давай знакомиться. Меня Паша зовут.

– А меня Софья.

Он опускает взгляд, я вижу, как он сглатывает, как трепещут длинные ресницы.

– Мне... просто поговорить, не бойся. Или помолчать. Не знаю даже, что нужнее. Я не пьян, не... в общем, вполне благополучный во всех отношениях. Давай я закажу тебе что-нибудь, – поднимает мужчина глаза. В них – мольба и какое-то отчаяние.

– Нет, – качаю я головой, – ничего не надо. Я посижу и послушаю. Может, буду убегать ненадолго: работа.

– Я понимаю, – кивает он поспешно и облизывает губы. – У меня всё в порядке, правда. Просто иногда невыносимо быть одному. А ты... у тебя глаза добрые.

– Ну, разве что, – смущаюсь я до слёз. – Я не очень хороший собеседник. У меня гораздо лучше получается с маленькими детьми. А со взрослыми – так себе. Особенно с мужчинами.

Он снова нервно передёргивает плечами, тянет сок через трубочку.

– Считай, что я подруга. У тебя же есть подруга?

Он меня озадачил.

– Есть, – живо вспоминаю Дашку и невольно улыбаюсь.

– Вот и не заморачивайся. Я не она, конечно, но представь,

что... и станет намного легче общаться.

Я хотела сказать, что мне не тяжело. Что я и не собиралась напрягаться. Что с Дашей мы тоже общаемся немного странно, но в дружбе важнее эмоции и чувства, они гораздо правдивее слов. Но ничего произнести не успеваю. Всё, что смогла сделать – только губы разомкнуть.

– Софья? – вздрагиваю от вкрадчиво-бархатного голоса.

Вздрагивает и мой собеседник. Я вижу, как дёргается его кадык даже через ворот водолазки. И глаза... остановившийся взгляд, в котором сквозит ещё большее отчаяние, чем раньше.

– Костя? – оборачиваюсь я, чувствуя, как неровно бьётся сердце.

Я ожидала выговор. Испугалась, что неверно поняла Альбину и поступила неправильно. В такие моменты здравый смысл прячется под кроватью в самый тёмный угол.

У Кости нормальное лицо. Обычное, спокойное. Разве что черты чуть острее. Но с перепугу и не такое может показаться.

– Всё в порядке? – спрашивает он и пристально рассматривает меня, словно что-то потерял и хочет найти.

– Да, – говорю чуть тише, чем хотелось бы.

– Какие-то проблемы? – переводит взгляд Костя на Павла.

– Нет, – опускает тот глаза и нервно сглатывает. – Нет, всё хорошо.

– Приятного вечера, – вежливо склоняет Костя голову. –

Софья, на минутку.

Я кидаю на своего несостоявшегося собеседника извиняющийся взгляд и поспешно поднимаюсь.

Мы отходим в сторону всего на пару шагов.

– Я нарушила какие-то неписанные правила? – спрашиваю у Кости.

Мне сейчас важно высказаться первой, иначе потом, если он будет меня распекать, я и двух слов не свяжу. – Альбина сказала, что можно беседовать с клиентами, если они этого захотят.

– Да, всё верно, – подтверждает Костя невозмутимым голосом. – Это не запрещено.

Я перевожу дух. Надо, наверное, у него всё же выпытать всякие нюансы работы в этом клубе, чтобы не бояться и не оглядываться.

– Но я что-то сделала не так, раз ты ко мне подошёл?

– Всё так, Софья. Но желательно максимально сделать свою работу, а потом уж присаживаться за столики, если есть желание. У тебя же часть зала ещё осталась не охваченной.

Ну, да. Он прав. А ещё – коридоры вымыть и туалеты. Всё вроде логично.

– А когда работы минимум, тогда и беседы можно вести.

– Даже удивляюсь, когда другие успевают это делать, – язвлю, не сдержавшись.

– При должном усердии и сноровке ещё и не такое получается, – он спокоен, как шкаф, а я и чувство вины испытываю.

ваю, и раздражение, и мне не даёт покоя Паша-Паганель. Он такой ранимый и беззащитный. Наверное, я бы хотела его выслушать.

Я невольно оглядываюсь. Павел сидит, опустив плечи, и сосредоточенно помешивает трубочкой сок.

– Софья, – снова отрывает меня от созерцания голос Громова. Он словно поймал меня на горячем. Я стою перед ним как провинившаяся школьница.

– Что? – невероятно трудно, но я всё же смотрю ему в глаза. Уж не знаю, как у меня получается, но это максимум, на что я способна сейчас.

– Держись от него подальше, – кивает он в сторону Павла.

– Это приказ? – пытаюсь я всё же отвоевать собственную самостоятельность.

– Это совет, – мягко вибрирует Костин голос. – Однажды он устроил здесь скандал, из-за которого уволили девушку уборщицу.

С этими словами он развернулся и отправился к бару. А я, вздрогнув и проводив широкую спину Громова взглядом, сделала выбор.

– К сожалению, у меня много работы, – сказала я, подходя к мужчине, что, несмотря на свой немаленький рост совершенно потерялся на фоне тёмной стены, – но если вы подождёте, я вернусь. Не скоро, но вернусь, чтобы составить вам компанию.

Он обрадовался! Так приятно было видеть его открытое,

обескураженное и совершенно искреннее лицо!

— Я подожду, — хрипло сказал он, приваливаясь к стене. Во всей позе его читалось облегчение. — Я подожду тебя, Софья.

И больше я не отвлекалась. У меня была цель. А когда есть цель, всё остальное уходит на второй план.

Я умею работать быстро и качественно, не отдыхая, не делая перерывов.

Не знаю, зачем мне нужно побыть с этим человеком рядом. Особенно после слов Громова. Я уверена: он не лгал. А я не мать Тереза, чтобы любить и жалеть всех людей на планете Земля. Но к Павлу я чувствовала невольное расположение. Есть вещи, что не поддаются логике. Вместо разумных доводов действуют совершенно иные материи.

Он мне нравился. Может, потому что чем-то напоминал мне папу. Наверное, именно поэтому, вопреки всему. Я даже готова ошибиться и побыть душой.

Когда я к нему вернулась, он сидел всё там же, практически в той же позе. Возможно, только стакан с соком перед ним другой.

Я молча присела напротив, а Павел поднял глаза. Смотрел на меня, будто собираясь с духом.

— Закажи что-нибудь, пожалуйста, — просит он снова, и я опять отрицательно качаю головой.

— Может, здесь так принято, но я согласилась побыть с вами не поэтому.

Он кивает. Взмах длинных ресниц. Тонкие пальцы судо-

рожно сжимают стакан. Павел какое-то время молчит, видимо, собираясь с мыслями.

Я ему не мешаю, не тороплю. Рассматриваю. Любуюсь линиями скул и подбородка. У него веки красные и припухшие, словно он не спал долго или пялился в монитор.

О том, что он мог плакать, думать не хочется. Это немного портит нарисованный образ, который лучше не разрушать, хотя я прекрасно знаю, что фантазии и реальность слишком далеки друг от друга.

Но я готова обманываться. Хотя бы сейчас, в данный отрезок времени.

– У тебя никогда не бывает так, будто жил, к чему-то стремился, на что-то надеялся, а потом – раз – и пустота, словно провалился куда-то и ничего не можешь с этим поделать?

– Редко, – говорю честно. – Это отчаяние. Кажется, что мир рушится, а потом ты выдыхаешь, включаешь голову, начинаешь дышать и ищешь выход. Как правило, выход находится всегда. Даже не один. Плохой или хороший, но он есть. Следующая задача – найти лучший.

– Нет, – мотает он головой. Глаз на меня не поднимает, водит пальцами по краю стакана. – Это немного не то. Ты рассказываешь о ситуации, в которую попадаешь. У меня другое. Вроде бы всё хорошо. Есть всё, чтобы быть счастливым, а вместо этого – яма. Хоть вешайся. Слишком пусто, ничто не радует. Скучно, наверное, но скука какая-то минорная, тоскливая, мрачная. Я смысл жизни потерял, всё не то. Рабо-

таю, прихожу домой, а там – тишина, пустота, провал. Возможно, я бешусь с жиру. Работа, машина, квартира. Всё есть. Счастья нет. Удовлетворения жизнью нет. Смысла нет. И да, я должен был проговорить это вслух. Не на сеансе у психолога. Там я тоже был. Не помогает. Нужно что-то другое. Или наоборот. Ничего не нужно. Просто понять, как быть дальше.

Мне сложно понять движения его души. Слишком извилистый путь. А я... наверное, рациональна. Потому что постоянно занята и не нахожу времени на то, чтобы ныть, печалиться, заниматься самоедством.

Нет, у меня тоже бывают периоды, когда «всё плохо», но я умею с ними справляться. Может, потому что не одна. Потому что от меня очень зависит ещё один маленький человечек.

– Я не жду от тебя рецепта. И советов тоже не жду, – продолжает Павел, наверное, неправильно истолковав моё молчание. – Спасибо, что выслушала. Я... нуждался в этом.

– У меня есть рецепт, – перебиваю я его. – Возможно, не идеальный или вообще не подходящий, но уж какой есть. Вдруг поможет?

Глава 16

Софья

У Паши лицо живое, подвижное, эмоциональное. Вся гамма настроений – как на ладони. Не то, что у Громова, – невольно думаю я, сравнивая двух мужчин.

Нет, нельзя сказать, что у Кости – застывшая маска. Но чаще он скрывает истинные чувства.

А Павел даже не пытается. Или вечер сегодня подходящий, или он такой и есть – открыто-эмоциональный.

Он ждёт моего рецепта. И, видимо, дошёл до той точки, когда готов поверить в любую чушь, лишь бы помогло.

– Некоторые глушат себя работой, – смотрю я ему в глаза и вижу, как он морщится. Наверное, пытался, и ему не помогло. – Но этот способ – анестезия. Слишком много обезболивающих, когда боль может уйти, а причина боли – нет. Как только заканчивается анестезия, всё возвращается назад.

Он кивает. Я права.

– Пустота лечится полнотой, Павел, – говорю проникновенно, – Вам нужно себя чем-то заполнить, вытеснить пустоты. Многим помогает любовь, но есть люди, которые боятся или не хотят отношений по тем или иным причинам.

Павел вздрогнул. Я попала в точку, хоть имела в виду себя. Все мы раздаём советы, исходя из личного опыта. Видимо, он тоже боится отношений, как и я. Может, поэтому в

этот миг он стал мне ещё ближе и понятнее.

– Нет-нет, отношения не вариант, – быстро пробормотал мой собеседник, подтверждая мою догадку.

– Если бы вы были женщиной, – сказала я напрямик, – я бы посоветовала вам родить ребёнка.

Он смутился и пошёл красными пятнами. Зажмурился на миг. Странная реакция. Но лучше над этим не задумываться.

– Заведите собаку, Павел, – произнесла чуть громче и резче, чем хотелось. Он поднял на меня испуганные глаза.

– С-собаку? – переспросил, кусая губы.

– Да, – вложила я в голос столько уверенности, сколько смогла. – Вам будет о ком заботиться. Возьмите совсем маленького щенка или осчастливьте какого-нибудь несчастного пса из питомника. Можете взять зачуханного блохастого или больного. Раз у вас есть деньги, вы сможете ему помочь, выходить. А в ответ получите столько любви, которая сможет не просто пустоту заполнить, а и заставит вообще забыть, что это такое.

Павел нервно дёргает шеей.

– Н-не знаю Собаки как бы не моё...

– Все так думают. У вас была когда-нибудь собака?

– Н-нет, – снова кусает он губы.

– Значит, самое время проверить. А заодно – испытать себя на прочность. Если после всех забот и хлопот у вас будет оставаться время на поиски пустоты, смысла жизни, значит мой рецепт вам не подошёл.

– Я подумаю, – кивает он и уходит куда-то очень глубоко в себя, за какую-то грань, где мне места нет. Он будто забывает обо мне, и всё окружающее его не тревожит. Лишь по сжато му рту и сведённым бровям можно понять, что он напряжённо думает.

Пусть. Возможно, это ему поможет. Я тихо поднимаюсь со стула. Пора исчезнуть, потому что миссию свою я выполнила. Да и работать пора.

Костя

С той минуты, как Софья подсела к этому дятлу первый раз, вечер потерял умиротворение. От этого кузнечика я ждал чего угодно. Недолюбливал гада с тех самых пор, как случился скандал с Драконовым, и жалел, что не мог ему кислород перекрыть. Он был лично знаком с Андреем, что давало ему невероятные привилегии.

К слову, дрыщ этот – милейший клиент. Если бы все были такими, «Лагуна» превратилась бы в церковь. Полозов (да, я знал его фамилию) не пил, не курил, не буянил, не уединялся с другими посетителями ни в туалетах, ни в vip-комнатах.

Он приходил сюда по привычке. Отдохнуть, развеяться, посидеть в толпе. Полозов тщательно маскировал личную жизнь. На людях бурных чувств не показывал. Изредка общался с женщинами. И до сегодня меня этот факт не напрягал.

Ему зачем-то понадобилась Софья. Именно она, хоть де-

вушек у нас – пруд пруди. И Софья, даже после моего предупреждения, повелась на этого павлина ошипанного.

Да, я злился. И очень хотелось послушать, что он ей там втирал, каким утюгом по ушам ездил. Потому что Софья его слушала внимательно. Жаль, я не мог видеть её лица полностью, хотя это ничего бы не дало. Уж лучше б уши, как локаторы, иметь. Но, увы, никакими суперспособностями я не обладал, читать по губам не умел. Оставалось лишь ждать, когда весь этот цирк закончится.

Не знаю, что она сказала Полозову. Вот его лицо я видел прекрасно, можно сказать, во всех ракурсах.

Она его в ступор вогнала. По крайней мере, он плакаться перестал. Уж очень несчастным выглядел. Но жалости к нему я не испытывал. Наоборот: меня душило раздражение.

Я видел, как ретировалась Софья. Чуть ли не на цыпочках уходила. Он нравился ей – уж не знаю, каким образом, но я понял это. И злился. В груди словно атомный реактор полыхал, не давая дышать.

Чёрт. Я ревную?.. Девушку, которую знаю три дня?.. Я вообще себя не понимал и чувствовал скверно. У меня будто температура подскочила. Лицо горит, мышцы каменные. О пресс можно кирпичи разбивать – не почувствую.

Софья снова работала. Полозов как-то незаметно слинял – я даже не понял, когда. Да это и к лучшему. Нет раздражителя – нет проблем.

А ночь к тому времени заканчивалась. Последние посети-

тели уходили, становилось тише.

Я люблю эти моменты, когда жизнь клуба замирает и наступает блаженная тишина. Люблю, когда расходится персонал. Когда охрана проверяет помещение и сонное оцепенение сковывает пространство, что постепенно лишается огней и блеска, погружаясь в полумрак.

Софья снова купается. Я слышу, как шумит вода в душевой. Воображение живо дорисовывает картину, что я день назад видел хоть и не вживую, через монитор, но вполне отчётливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.